

Б. Я. Ильвов

МОРСКАЯ ДАЛЬ

Издательство «СЛОВО»
238, Ave du Roi Albert
Шанхай
1937

**Всѣ права сохранены за авторомъ.
All rights reserved.**

**Bayerische
Staatsbibliothek
München**

**Книга отпечатана въ собственной
Типографіи Издательства „СЛОВО“
238, Ave du Roi Albert
Shanghai**

На „Казанецъ”

Легко разсѣкая спокойныя воды залива, из за высокихъ скалъ входа на рейдъ, подъ флагомъ начальника морскихъ силъ Балтійскаго моря, влетаетъ миноносецъ «Казанецъ». На крылѣ мостика, знакомая и всѣмъ флотомъ любимая, фигура адмирала Эссена.

— Кто дежурный по шестому дивизиону? — спрашиваетъ онъ одного изъ флаг-офицеровъ.

— «Ретивый», ваше-ство.

— Поднимите ему сигналъ: приготовиться къ походу.

На мачтѣ взвиваются позывные «Ретиваго» и соотвѣтствующій сигналъ. Командиръ уменьшаетъ ходъ и сворачиваетъ вдоль линіи, стоящихъ кормами къ пристани, миноносцевъ. На всѣхъ судахъ суматоха. Офицеры и матросы выстраиваются вдоль бортовъ, а командиры поднимаются на мостики. Раздаются сигнальные свистки и команды «смирно». Чуть замѣтно покачиваясь, «Казанецъ» горделиво проходитъ мимо.

— Здорово молодцы! — приставляя ко рту руки, сложенныя рупоромъ, здоровается адмиралъ.

— Здравія желаем ваше-ство, — несется по рядам миноносцев.

— Отдавайте якорь, — обращается ко мнѣ командир.

— Из лѣвой бухты вон!

— Прочь от лѣваго каната! — кипятится на полубакѣ боцман.

— Отдать якорь!

Грохочет якорный канат и брызги от упавшаго якоря обдают людей на полубакѣ.

— Медленно назад пошел!.. Остановился! — докладывает лотовый.

Миноносец на якорѣ. Теперь начинается моя работа. Адмирал и командир спускаются вниз, а я наблюдаю за постановкой трапов, за спуском шлюпок и за прибывающими к адмиралу начальниками. Я — старшій офицер «Казанца», а потому, с постановкой на якорь, вся отвѣтственность за порядок ложится на меня. Надо принять провизию, надо получить почту, да мало ли хлопот и забот у старшаго офицера. Еще спасибо, что вчера, в Ревелѣ, к нам прибыл мичман Шокальскій, назначенный на должность штурмана. До тѣх же пор приходилось совмѣщать двѣ должности. На якорѣ нѣтъ покоя, как старшему офицеру, а на походѣ, как штурману. Ну, теперь пойдет по иному. Как снимемся с якоря, да выйдем с рейда, так я в каюту. Пусть Шокальскій на мостикѣ отдувается.

Ну, вот и в поход. Шлюпки подняты, якорь на подушкѣ и «Казанец» заскользил, малым ходом, к выходу. Перед тѣм, как спуститься в каюту, я еще раз обошел миноносец. В морѣ свѣжо. Качать будет. Надо убѣдиться все ли принайтовлено, да и правильно ли изготовлен спасательный вельбот. Все в порядкѣ. Вельбот висит на стопорах, весла уложены, анкерк с прѣсной водой — под банками, походный конец завязан выбличным узлом и заведен на бак. Спускаясь в каюту взглянул за корму и сочувственно покачал головой. Бѣдный «Ретивый» так и зарывается в волну. Не сладко на нем сейчас.

Послѣ нѣскольких бессонных ночей и хлопотливых дней с наслажденіем вытянулся на койкѣ и, под ритмическое жужжаніе гребных валов и нервное постукиваніе штуртреса, моментально заснул. Просыпаюсь от назойливаго расталкиванія. Открываю глаза и вижу встревоженную фізіономію флаг-офицера, Жени Винтера.

— Борис! Борис! Да проснись же ты. Лѣшій!

— А! Что случилось?

— У тебя код для переговоров с наблюдательными постами?

— Какой код?

— Да проснись же ты, Христом Богом! Код для переговоров с наблюдательными постами.

Сонная мысль лѣниво ворочается, но вдруг вспоминаю, что перед самым выходом из Ревеля был получен циркуляр штаба — сжечь код для переговоров с наблюдательными постами, изданія 1906 года. Помню, что код этот я вынул из ящика, чтобы потом разобраться, да завертѣлся с другими заботами и забыл. Впрочем, чего же волноваться. Если циркуляр требует сожженія кода, так, вѣдь, я и должен был его сжечь. Вот только, что акта о сожженіи не составил. Ну, да не успѣл.

— Я сжег его, — говорю я изумленному Винтеру.

— Как сжег? Почему сжег?

— Циркуляр был сжечь. Ну, я и сжег.

— Ты навѣрное помнишь?

— Навѣрное.

Винтер исчез, а я, сидя на прыгающей койкѣ, силюсь припомнить: куда же я спрятал этот проклятушій код. В каютѣ душно. Иллюминаторы закрыты. Пахнет пригорѣлым машинным маслом. Голова тяжелая. Мысль еле ворочается. Начинаю выдвигать ящики письменнаго стола и в одном из них нахожу.. Нахожу код и, вложенный в него злополучный циркуляр... О ужас! Циркуляр говорит о кодѣ изданія 1906 года, а этот 1909. Аж холодный пот проступил на лбу. Быстро одѣваюсь и выхожу на верх. На мостикѣ же, пока я спал, разыгралась цѣлая драма.

Уже часа два, как миноносцы вышли из Гельсингфорса и идут шхерным фарватером. Погода свѣжая и на плесах здорово поддает. Адмирал, командир, штурман и почти весь походный штаб, стоя на мостикѣ, слѣдят за фарватером, вѣхами и створными знаками.

— Ваше-ство, так что наблюдательный пост сигнал держит, — докладывает один из сигнальщиков.

В самом дѣлѣ, на высокой мачтѣ одного из безчисленных островков, развѣваются сигнальные флаги.

— Живо разобрать сигнал, — пощипывая свою маленькую, остроконечную бородку, оживляется адмирал.

Но у сигнальщиков какое то смятеніе. Они хватают то одну, то другую сигнальную книгу и с ожесточеніем листают страницы.

— В чем дѣло? — сердится адмирал. — Да вы по какой книгѣ смотрите? Дурни! Бросьте трехфлажную. Гдѣ код для переговоров с наблюдательными постами?

— Так что нѣтъ его ваше-ство.

— Как нѣтъ? Гдѣ код? — повышая голос обращается он к командиру.

— Штурман, гдѣ у вас код? — спрашивает тот у Шокальского.

— Не могу знать. Я не принимал его.

— Сбѣгайте к старшему офицеру. Вѣроятно код у него.

— Я сбѣгаю, — вызывается Винтер.

Между тѣм атмосфера на мостикѣ сгущается. Ход уменьшили до малаго. Адмирал нервничает. У командира душа не спокойна. Чины штаба приумолкли, а нѣкоторые даже, от грѣха подальше, вовсе с мостика исчезли.

— Передайте по семафору на «Ретивый» — разобрать сигнал, — топя ногою говорит адмирал.

В это время на мостик вбѣгает Винтер и о чем то шепчется с командиром.

— Гдѣ же код? — останавливаясь посреди мостика жестикулируя, спрашивает адмирал.

— Я сжег его, — отвѣчает командир.

— Как сожгли? Почему сожгли?

— Согласно с циркуляром штаба ваше-ство.

— Какой такой циркуляр штаба?

— Был издан циркуляр штаба о том, чтобы код этот сжечь.

— Вы выпускали такой циркуляр? — обращается адмирал к флагманскому штурману, старшему лейтенанту Вилькицкому.

— Циркуляр касался кода изданія 1906 года, а не послѣдняго изданія.

— Чорт знает что такое! Простого циркуляра прочесть не умѣете. А и вы, тоже хороши, — набрасывается он на Вилькицкаго. — Составить циркуляра не умѣете, чтобы вас поняли. Безпорядки в штабѣ. Безобразіе!

Вѣроятно буря на мостикѣ так просто не улеглась бы, если бы в этот момент с «Ретиваго» не передали бы содержанія сигнала.

— Давайте полный ход, — нѣсколько успокаиваясь, приказал адмирал.

Когда я вышел на палубу, на мостикѣ оставались только тѣ, кто на нем обязан был быть. Всѣ остальные скромно ретировались на полу-бак.

— Что это вы несете? — остановил меня на палубѣ флаг-капитан капитан I-го ранга Рихтер. — Уж не код ли?

— Так точно, Оттон Оттонович.

— Как же это вы так прошляпили? А! Ну, давайте его мнѣ. Я его подсуну, а вам на мостик лучше не ходить.

Передав ему код, я принялся бродить по палубѣ, с грустью предвкушая неминуемые фитили. Вдруг на «Ретивом» грянула пушка и на мачтѣ взвился «Червь».

— Всѣ на верх. Человѣк за бортом! — прокричал я команду, нажимая кнопку сигнального звонка.

Миноносец ожил. Из всѣх люков посыпались матросы, разбѣгаясь по своим мѣстам. Тали спастельнаго вельбота уже разнесены и гребцы, во главѣ с мичманом Блажковым, в спасательных поясах, ждут команды садиться. Кондукторы рабѣжались, на заранѣе указанные им мѣста, для передачи с мостика приказаній.

Я стою у вельбота и ожидаю разрѣшенія начать его спуск. Между тѣм, разворачиваясь машинами, командир поворачивает на утопающаго. Благодаря вращенію машин в противоположныя стороны, миноносец дрожит и колыхается. Шлюп-балки, на которых висит, уже вываленный, вельбот, вибрируют и пружинят. Слѣдя за мостиком я вижу, как флаг-офицер наклоняется над поручнями и кричит кондуктору:

— Без людей вельбота не спускать, посадить людей на вельбот.

Несмотря ва шум, я ясно слышу приказаніе, да к тому же и кондукторы повторяют его совершенно отчетливо. У меня сжимается сердце. Выдержат ли шлюпбалки тяжесть вельбта наполненнаго людьми. Не сломаются ли. Не дай Бог. Тогда мы будем имѣть еще шесть утопленников. Рискованно. Очень рискованно. Но приказаніе. Приказаніе самого адмирала. Я не имѣю права раздумывать.

— Гребцы ва вельбот! — отдаю я, скрѣпя сердце, приказаніе.

Шлюп-балки закачались еще сильнѣе. Вот-вот сломаются. Боже. Скорѣе бы спускать. Вдруг с мостика раздается, буквально, рев. Перегнувшись через поручни, жестикулируя и волнуясь, кричит адмирал:

— Убрать людей с вельбота. Вы мнѣ всѣх людей перетопите. Не старшій офицер, а рвань. Вы мнѣ... Я вам... — и цѣлый каскад отборной ругани посыпался на мою бѣдную голову.

— Прочь с вельбота, — командуя я упавшим голосом.

Наконец миноносец развернулся и полным ходом понесся к утопающему. Остановившись в нѣскольких саженьях от него спустили вельбот. Нѣсколько ударов весел и он, одновременно с четверкой с «Ретиваго», уцѣли. Человѣкъ спасен. Вельбот возвратился и подошел под тали. Подняв и завалив его, командуя:

— Подвахтенные вниз! — и удаляюсь в свою каюту.

Что теперь дѣлать. Придется переводиться или в Черное море, или на Восток. Меня! Старшаго офицера, при всей командѣ, при всѣх офицерах ... Нѣтъ. Это не возможно ... Предаваясь этим грустным размышленіям, я и не замѣтил как подошло время завтрака. В дверь каюты раздался стук.

— Кто там?

— Это я, вашескородь, — узнал я голос вахтеннаго унтер-офицера.

— Сейчас на якорь будем становиться.

Адмирал приказал на время обѣда на якорь встать.

Со стѣсненнымъ сердцемъ занял я свое предсѣдательское мѣсто за столомъ кают-кампаніи. Справа отъ меня сѣлъ адмирал, слѣва—начальникъ штаба контр-адмиралъ Крафтъ, далѣе капитанъ I-го ранга Рихтеръ, командиръ, чины штаба и судовые офицеры. За столомъ царило напряженное молчаніе. Всѣ склонились надъ своими тарелками. Только одинъ Вилькицкій не унывалъ. Наклонившись надъ тарелкой и слегка повернувъ голову в мою сторону онъ строил мнѣ рожи. Винтеръ сидѣлъ точно на иголкахъ. Онъ понималъ, что это онъ, а не я виновникъ происшествія. Впрочемъ, какъ я потомъ узналъ, онъ сразу же доложилъ адмиралу, что это онъ перевралъ приказаніе.

— Ахъ, да, Пользуюсь случаемъ чтобы выразить вамъ, —наклонился адмиралъ в сторону командира, — и особенно вамъ, — полупоклонъ в мою сторону, — благодарность за блестящее состояніе миноносца. Тревога: «Человѣкъ за бортомъ» прошла блестяще. Видно, что расписаніе продумано и люди прекрасно обучены. Флаг-офицеръ! Заготовьте приказъ: «объявляю благодарность командиру «Казанца», за отличное состояніе миноносца»

Какъ камень свалился у всѣхъ с души. Начались разговоры, шутки, смѣхъ. Вилькицкій состроилъ такую уморительную харю, что весь

стол со смѣху покатился. Даже сам адмирал улыбнулся.

Всѣ недоразумѣнія и обиды моментально были забыты. Да и мог ли я обижаться на обожаемого адмирала. Героя и возсоздателя нашего флота.

Первая атака на Рижскій залив

На флагманском кораблѣ Балтійскаго моря крейсеръ «Рюрикъ» царитъ оживленіе. Вахтенный начальникъ не отходитъ отъ трапа. Караулъ и фалрепные держатся наготовѣ и даже сам старшій офицеръ не спускается внизъ. Паровой катеръ стоитъ на шкентелѣ у праваго выстрѣла, но прислуга на крейсеръ не поднимается. Всѣ наготовѣ. Ждутъ, когда окончится совѣщаніе командующаго флотомъ съ новымъ начальникомъ минной дивизіи капитаномъ 1-го ранга Петромъ Львовичемъ Трухачевымъ.

В адмиральскомъ салонѣ, передъ разложенными на столѣ картами, сидитъ самъ командующій флотомъ, Николай Оттовичъ фонъ Эссенъ, а поодаль отъ него, обнявъ руками заложенной ноги на ногу колѣнку, пасмурный и задумчивый Трухачевъ.

— Я отлично понимаю всю трудность возложенной на васъ задачи, — говоритъ адмиралъ. — Еще вчера, на совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ генерала Куропаткина, я ее обрисовалъ. Но, что дѣлать? Куропаткинъ является представителемъ Верховнаго. Онъ только вызсказалъ и передалъ его волю. Стремленіе штаба понятно. Они хотятъ во что бы то ни стало сохранить всѣ корабли флота для рѣшительнаго боя на центральной позиціи—Ревель—Гельсингфорсъ. Сами по-

нимаете, что в случаѣ прорыва нѣмцев в Финскій залив, правый фланг наших армій будет принужден отступить до Нарвы. А вѣдь это, почти, катастрофа. С другой стороны, пока непріятель не предпринял форсированія центральной позиціи и непосредственной угрозы ей нѣтъ, штаб стремится сохранить и Рижскій залив, так как в случаѣ его паденія, правому флангу придется отступить до Ревеля.

— Все это достаточно ясно. Но нельзя же так связывать меня. Вѣдь, тут двѣ, друг другу противорѣчащих, задачи. Рижскій залив защиты, но кораблями рисковать не смѣй. Гдѣ же это видано, чтобы война обходилась без жертв. Либо одно, либо другое.

— Я же вам говорил насколько трудной считаю, выпавшую вам, задачу. Потому то я вас и выбрал на этот пост. Я увѣрен, что вы справитесь с задачей, или, во всяком случаѣ, сдѣлаете все, что в человѣческих силах. Волю верховнаго исполнить мы должны. Нашей службы Россія ждет. Уклониться от нея никто из нас не вправѣ. Да, что там говорить. Я же вижу и понимаю в чем корень ваших сомнѣній. Вас волнует, что если залив придется сдать без рѣшительнаго боя, общественное мнѣніе вас обвинит в трусости. Вѣдь так? Что-ж. Может быть... Но в жертву Россіи, если это понадобится, мы не только жизнь, но и доброе имя свое принесем. Вѣдь так?

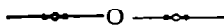
— Конечно, ваше превосходительство, так. Если Россіи нужно доброе имя цѣлаго ряда, честно служивших ей, предков моих — пусть берет. Я готов.

Встав со своего мѣста, адмирал медленно подошел к Трухачеву и долго молча жал его руку.

— Караул и музыканты наверх! Четверо фалрепных на правую! — раздалась команда вахтеннаго начальника, лишь только Трухачев вышел на палубу.

Проводить новаго начальника минной дивизіи вышел и адмирал. Под звуки марша Трухачев отвалил от трапа и направился к ожидавшему его миноносцу. Команда и офицеры стояли во фронтѣ, а командир встрѣчал его у трапа. Лишь только он вступил на палубу, на фок мачтѣ взвился плавучій брейд-вымпел. Миноносец дал ход и, обходя стоявшіе на рейдѣ корабли, пошел к выходу.

Долго еще, пощипывая свою бородку, стоял адмирал на ютѣ крейсера и задумчиво смотрѣлъ вслѣд удалявшемуся миноносцу.

Стоял теплый май 1915 года. Почти вся дивизія была сосредоточена в Аренсбургѣ, высылая лишь дозоры к Ирбенскому проливу, для наблюденія за поставленными в нем минами. На флагманском миноносцѣ «Сибирскій Стрѣлок» ждут к обѣду начальника одного из дивизионов, капитана I-го ранга К. Пока вѣстовые

накрывают на стол, флаг - офицер торопливо докладывает Трухачеву дѣла.

— Кого прикажете, Петр Львович, к Виндавѣ послать?

— Это по телеграммѣ штаба?

— Так точно.

— Вторую группу 6-го дивизиона. Они только что уголь приняли, да и в дозорѣ давно не бывали. Пригласите ко мнѣ, часикам к восьми, командира «Казанца».

— Есть. И инструкцію для него прикажете заготовить?

— Какую там инструкцію! В общих словах задачу объясню. Не глупѣй меня. Сам сообразит детали.

— Вашескородіе, начальник Н-аго дивизиона на вельботѣ идет, — появляясь в дверях каюты, доложил вахтенный.

— Вот и отлично. Идемте встрѣчать.

Поднявшись по трапу, К. официально явился Трухачеву, но тот взял его под руку и повел к люку.

— Идемте пока ко мнѣ, а потом пообѣдаем. Что у вас новенькаго?

— Ничего. Все, слава Богу, хорошо.

— Вот прочтите-ка, — уже в каютѣ, подал Трухачев К. телеграмму. — Опять штаб запрашивает, чѣм он может нам помочь.

— Что же вы отвѣтили?

— Мины, мины и мины. Вы знаете, как На-

полеон говорил, что для веденія войны нужны, во первых — деньги, во вторых — деньги и в третьих — деньги. Так и я говорю, что для обороны залива, во первых — мины, во вторых — мины, и в третьих — мины.

— И что же, обѣщали прислать?

— Обѣщать то обѣщали. Только когда? Смѣшно сказать! Пролив защищают четыре ряда минных загражденій. Да и то, что это за загражденія? Двѣ линіи с промежутками в 150 фут и двѣ в 300. Развѣ это загражденія? До сих пор мин добиться не могу! Вѣдь, если нѣмцы начнут тралить, в пол часа протралят форватер.

Во время обѣда, в кают - кампаніи разговор вертѣлся вокруг вопроса об отраженіи нѣмцев.

— Вѣдь, у них, несомнѣнно, план прорыва точно разработан, — докторальным тоном говорил флаг-офицер. — Задача обороняющагося, это угадать план противника и принять контрмѣры. Тактика нас учит...

— Ерунда ваша тактика, — пробасил мрачный Трухачев. — Тактика это здравый смысл. Надо, чтобы начальник хорошую голову на плечах носил, тогда никакой тактики ему не надо.

— Как же без тактики? Вот, на примѣр, в нашем случаѣ. Развѣ не было бы разумно, перед приходом нѣмцев, выслать через Свэло - Зунд...

— Это вы мнѣ Аустерлицкое сраженіе хотите разыграть? Ди эрсте колоне марширен. К черту! К дьяволу! Налейте-ка лучше водки.

По окончаніи обѣда Трухачев увел К. к себѣ в каюту,

— Вы не повѣрите, как много у меня совѣтников и указчиков. И молодежь туда же свой нос сует. Ну, да молодо-глупо. А вот старики. Начальники. Эй! Кривчин! Достань-ка коньяку,— перебил он сам себя, пріоткрывая дверь. — Да. Так вот видите ли, как много стратегов и тактиков залив защищают и меня учат, а вот смѣнить меня на моем посту никто не хочет.

— Да кого же назначить? — пожал плечами К.

— Как кого? А Максимова! Начальника минной обороны! К тому же он и вице-адмирал.

— Это пойгу то?

— А почему бы и нѣтъ?

— Ну, этот уж вовсе не годится.

— А если не годится, так чего же он ко мнѣ со своими оперативными планами суется?

— Развѣ он суется?

— А вы помните, с недѣлю тому назад Л. сюда явился. Так это от него. Цѣлый план, да еще глупѣйшій, мнѣ прислал. У меня нѣтъ мин, чтобы Ирбенскій пролив загородить, а

он мнѣ рекомендует тысячу мин внутри залива, отдѣльными банками разставить. Это значит, от обороны залива отказаться. Рассчитывать, видите ли, на то, что, прорвавшись, нѣмцы на эти банки напорятся и нѣсколько своих кораблей подорвут.

— А что же Л. говорит?

— Да что Л. Мнѣ его от души жаль. Он очень не глупый и хороший офицер. Но он то что же. Творит волю пославшаго.

Вошешій Кривчин разставил на столѣ рюмки, бутылку коньяку и чашечки с дымящимся кофе.

— Я перед ним, перед Л., виноват, — присаживаясь к столу, продолжал задумчиво, Трухачев.

— Это чѣм же?

— Да уж очень я обозлился на Максимова и ничего ему не отвѣтил. А он, сдуру, мнѣ телеграмму прислал: «Приступлено ли к выполнению моего оперативнаго номера такого то». Ну, я ему и отвѣтил: «Дурака вашего видѣли и выгнали вон».

— Ого!

— Я и сам говорю — ого. Откровенно говоря, надѣялся, что обидится и настоит на моей смѣнѣ. Я же не шутики здѣсь шучу. Да куда там. Замолчал.

— Ну, этого он вам не забудет.

— А черт с ним. Мнѣ все равно, лишь бы защитить от нѣмцев залив.

— А что они не шевелятся? Не готовят сюрприза?

— Нѣтъ, Адриан Иванович ничего не сообщает.

— Ну, так вѣдь и он может не знать.

— Что вы! Что вы! Пока начальником службы связи Непѣнин, мы можем быть совершенно спокойны. У него всѣ нити в руках. Нѣтъ. Что вы. Он немедленно сообщил бы мнѣ если бы чтонибудь подобное бы было. Он бы...

Но закончить фразу ему не пришлось. Загудѣли сигнальные звонки, на палубѣ затопали десятки ног. Тревога.

— Что там такое?—поднялся Трухачев.

Но в этот момент дверь в каюту приотворилась.

— Так что цеппелин летит вашескорodie, — взволнованным голосом доложил вахтенный.

— Опять? Ну, дѣлать нечего. Надо сниматься с якорей.

К. немедленно отправился на свой миноносец, а Трухачев поднялся на мостик.

Стоявшіе у маяка Церель, два дивизиона миноносцев, торопливо снимались с якорей. Постукивая и позвякивая, вползали в клюзы якорные канаты. Струи воды смывали с них ил. Раздавались обычные, уснащенные крѣпкими выраженіями, команды.

— Как канат смотрит? — неслоь с одного

миноносца.

— Панер,—раздавалось с другого.

— Шары на стоп!

— Встал якорь!

Между тѣм, на пылавшем закатом западѣ, ясно обозначился контур воздушнаго корабля. Казалось, прямо на миноносцы, плыл он по воздушному океану.

Вытянувшись в кильватерную колонну, миноносцы уходили на восток.

— Ишь стервец! Прямо на нас дует, — поглядывая в бинокль, говорил Трухачев командиру.—Прикажете-ка эволюціонные сигналы имѣть наготовѣ. Сейчас маневрировать начнем.

Медленно ворочаясь своим китообразным туловищем, цеппелин настигал концевые миноносцы. Лишь только он с ними поравнялся, на «Сибирском Стрѣлкѣ» взвился сигнальный флажок. Всѣ миноносцы подняли такіе же. Минута... флажок спустили и, круто повернув на девяносто градусов вправо, миноносцы, строем фронта понеслись на юг. В этот момент от цеппелина, как-бы отдѣлились черныя точки и стремглав полетѣли вниз. Достигнув воды онѣ вдруг превратились в, как бы мгновенно, растущія водяныя деревья. Все выше и выше поднимаются их стволы и все шире разрастаются их, черныя от дыма, кроны. Бабах! Бабах! Бабах! — доносятся

взрывы. Продолжая преслѣдованіе, цеппелин, неуклюже, поворачивает на юг.

— А ну-ка поднимите сигнал — повернуть всѣм вдруг на шестнадцать румбов вправо, — разгуливая по мостику говорит Трухачев. — Да передайте по линіи, чтобы из пулеметов его окатить при приближеніи.

На ноках рей взвиваются новые флажки, но миноносцы продолжают идти тѣм же курсом. Цеппелин все ближе. Та, та, та, та, — затахтѣл первый пулемет. Та, та, та, та, — откликнулись остальные. Ба-бах! Ба-бах! Ба-бах! — падают бомбы.

— Долой сигнал! — приказывает Трухачев.

Флажки спущены. Описав полукруги, миноносцы круто поворачивают на сѣвер. Проскочив над их линіей, цеппелин опять поворачивает за ними. Еще двѣ, или три неудачных атаки и, повидимому, потеряв надежду, он направляется на сѣверо-восток.

— А вѣдь это он в Моонзунд полетѣл «Славу» собирается атаковать, — говорит озабоченный Трухачев. — Дайте-ка ей радіо, чтобы приготовилась.

Проводив непрошеннаго гостя, миноносцы возвращаются, на отдых, к Церелю. Впрочем отдых их непродолжителен. Ночью один дивизион идет в развѣдку, другой к Ирбенской позиціи, а остальные, вмѣстѣ с смѣнившимися с дежурства у минных загражденій,

завтра, несомнѣнно, снова будут отражать атаки цеппелина или аэропланов.

Весь іюнь и половина іюля, почти изо дня в день, повторялось одно и тоже. Либо налет цеппелина, либо, угрожая прорывом, непріятельскіе корабли дымили на горизонтѣ, либо миноносцы посылались к южному берегу залива для поддержки наших сухопутных частей у мыса Месорагоцена. Случалось, и не рѣдко, что эскадрильи непріятельских аэропланов налетали и сбрасывали массу бомб. Так продолжалось до двадцатаго іюля, когда на имя Трухачева была получена от Непѣнина шифрованная телеграмма: «В портах Балтійскаго моря нѣмцы готовят какую-то экспедицію. Повидимому, для форсированія Ирбенскаго пролива».

Не желая обнаруживать нашу онтр-развѣдку, Трухачев не показал вида, что ему извѣстно намѣреніе нѣмцев. Он не поднял тревоги и не вызвал всѣх сил Рижскаго залива к мѣсту ожидаемаго боя. Отдѣльные корабли и дивизионы были оставлены там гдѣ они находились до тѣх пор. «Слава» в Куйвасто, канонерскія лодки в Аренсбургѣ, часть миноносцев в Рогекюль, а часть, во главѣ с самим Трухачевым, у Цереля. Единственную мѣру, которую он принял, это приказал всѣм пополнить запасы топлива и быть в полной готовности.

Двадцать третьяго числа новая телеграмма Непѣнина извѣстила о составѣ нѣмецкаго экс-

педиціоннаго отряда и о том, что он уже вышел по назначенію. Оберегая, по прежнему, тайну нашей развѣдки, Трухачев и тут сохранил спокойствіе и остался стоять у Цереля.

В четыре с половиной часа утра двадцать шестого іюля от начальника второй группы шестого дивизіона, которая находилась в дозорѣ у минных загражденій, было получено первое радіо:

«Вижу дымы на вест», а через двадцать минут второе: «Вижу непріятеля — курс ост».

Сомнѣній не было. Нѣмцы идут в залив.

Снявшись с якоря с полудивизіоном особаго назначенія, Трухачев полным ходом помчался к проливу.

Было шесть часов чуднаго іюльскаго сѣвернаго утра. Ни малѣйшаго вѣтерка. Мореккак зеркало. Видимость прекрасная. Приподнятые и искаженные рефракціей, непріятельскіе корабли были превосходно видны. Тральщики, крейсера, два линейных корабля типа «Дейчланд», а позади них лѣс мачт и облака чернаго дыма. Видя что тральщики уже начали свою работу, Трухачев пошел на сближеніе, одновременно приказав вызвать по радіо всѣ силы Рижскаго залива на позицію.

— Сто кабельтов! — докладывает дальномѣрщик. — Девяносто!.. Восемьдесят!..

Пушки заряжены и слѣдят за непріятелем, но открывать огонь еще нельзя, т. к. дальность

их всего шестьдесят два кабельтова. Разстояніе все уменьшается. Вот пристрѣлочный миноносец «Генерал Кондратенко» дает первый залп из трех своих стамиллиметровых пушек, а через десять секунд — второй. Бинокли на мостиках всѣх миноносцев так и впились в тральщиков. Нѣсколько секунд напряженного ожиданія и видны всплески упавших снарядов. Залпы удачны. Снаряды упали в самой серединѣ тралящаго каравана.

Продолжая сближаться, полудивизион открывает бѣглый огонь. Тральщики задымили, заметались и нарушили свой строй. Волнуются. В это время «Дейчланды» окутались громадными клубами желтаго дыма. Проходит секунд сорок и «Сибирскій Стрѣлок» сотрясается от взрывов упавших рядом с его мостиком одиннадцатидюймовых снарядов. Паденія были так близки, что столбы воды от их всплесков обрушиваются на мостик и окатывают всѣх с головы до ног. В тот же момент новые клубы желтаго дыма свидѣтельствуют о новом залпѣ. Но Трухачев не дремлет. Быстрым маневром поворачивает он свои миноносцы на восемь румбов вправо и, пока снаряды летят, не прекращая огня, миноносцы, приняв строй фронта, уже несутся на сѣвер. И во время. Залп падает в кильватерную струю сейчас же за их кормами. Этот импровизированный тактически маневр дает идею. Продолжая стрѣль-

бу, миноносцы слѣдят за «Дейчландами» и, едва замѣтив новые клубы желтаго дыма, всѣ вдруг ворочают то вправо, то влѣво. Такое маневрированіе, на полных ходах, да еще под огнем непріятели, требует исключительнаго вниманія и обученности личнаго состава. Но Трухачев увѣрен в своих командирах и полностью использует это свое преимущество. Стоя на мостикѣ, он слѣдит за боем, руководит маневрированіем, но не вмѣшивается в распоряженія начальника полудивизіона, каковым является командир «Сибирскаго Стрѣлка». Он дает лишь общія директивы.

Между прочим, это одно из самых необходимых качеств, которым должен обладать морской начальник и достичь котораго не так-то легко. Обычно так трудно бывает удержаться от принятія участія в управленіи кораблем, на мостикѣ котораго стоишь и гдѣ всѣ тебѣ повинуются. Сухопутные начальники этой трудности не знают, т. к. они руководят боем издали, так что, если бы даже и захотѣли вмѣшаться в управленіе тѣм или другим полком или ротой, то просто не смогли бы.

Разстояніе до тральщиков все уменьшается. Видно, как они торопливо убирают тралы и поворачивают к своим главным силам.

Ура! Первая фаза боя выиграна и миноносцы отходя на восток.

Пока длился бой, телеграфист «Сибирскаго

Стрѣлка» безостановочно телеграфировал, созывая всѣ силы Рижскаго залива, но сдѣлать это было не легко. Заслышав его призывы, нѣмцы устроили радіо-помѣху, но все-же, к восьми часам утра, «Слава» услышала и дала квитанцію.

Между тѣм, оправившись, под прикрытіем своих броненосцев, тральщики снова выходят на работу. Выходят и миноносцы. Начинается точно такая же игра, но только на этот раз нѣмецкіе корабли почти вдвое участили свои залпы, так что переходить на бѣглый огонь стало невозможным. Тѣм не менѣе, ворочая то вправо, то влево, миноносцы неуклонно сближаются с караваном. На нем замѣшательство. Еще нѣсколько минут и караван снова прекращает работу и отступает к главным силам.

В третій раз выходят тральщики на работу и в третій раз стремительным натиском встрѣчают их миноносцы. На этот раз положеніе измѣнилось. В непосредственной близости, позади каравана, появляется крейсер. Своей скорострѣльной артиллеріей он засыпает миноносцы и принуждает их отойти на восток, что позволяет тральщикам спокойно готовиться к работѣ.

Казалось, дѣло окончательно проиграно, но в это время на востокъ показываются клубы чернаго дыма. Всѣ с облегченіем вздыхают.

Несомнѣнно, это «Слава». Сейчас она, своей двѣнадцатидюймовой артиллеріей, наведет порядки. Но вдруг, из за клубов дыма показываются не двѣ, а четыре трубы. Это не «Слава». Это спѣшат на подмогу двѣ старых канонерских лодки. Впереди «Грозящій», под командой капитана 2-го ранга Постриганева, а позади «Храбрый», под командой капитана 2-го ранга Щербачева. Обѣ лодки построены в 80-х годах прошлаго столѣтія. Дважды, за негодностью, сдавались онѣ к порту, но во время войны их подремонтировали, перевооружили и пустили в дѣло. Широкіе мостики без намека на броневую рубку. Днища проржавлены чуть ли не насквозь и никакой брони. Достаточно одному одиннадцатидюймовому снаряду не то что в лодку попасть, но хоть близко от нея разорваться, и дѣлу конец. Тѣм не менѣе обѣ спѣшат на выручку миноносцев и несутся самым полным, как говорят, парадным ходом, увы, всего двѣнадцать узлов. Широкіе носы с шумом разсѣкают воду, образуя огромные бѣлые буруны. Держат под корму «Сибирскаго Стрѣлка». По семафору Трухачев приказывает им отогнать тральщиков. Не уменьшая хода, лодки поворачивают на непріятеля. Ввиду того, что их артиллерія нѣсколько дальнобойнѣе, чѣм на миноносцах, 72 кабельтова, онѣ с болѣе дальней дистанціи открывают огонь. Нѣсколько залпов и колонны тральщиков разстроены.

Тральщики разсѣиваются, тралы лопаются, видны пожары. На помощь тральщикам спѣшит крейсер, но лишь только он входит в зону обстрѣла канонерок, как получает нѣсколько шестидюймовых снарядов. На нем вспыхивает пожар и он круто поворачивает к главным силам. Канонерки продолжают атаку. Теперь по ним открыли огонь и «Дейчланды». Море кипит вокруг них. Огромные всплески воды одиннадцатидюймовых снарядов и дым от разрывов временами почти скрывают утлые суда. С затаенным дыханіем слѣдят за ними с миноносцев. Каждую секунду можно ожидать попаданія хотя бы одного снаряда и, слѣдовательно, немедленную их гибель. Но лодки не сколны поворачивать. Не обращая вниманія на грохот разрывов, на то, что корабли окутаны водяной пылью, огнем, дымом разрывов, онѣ, не прекращая огня, продолжают преслѣдованіе. Еще нѣсколько минут и гибель их станет неизбѣжной.

— Куда онѣ прут? — бѣсится Трухачев. — Поднимите им «Ц» (вернуться из погони).

Но лодки сигнала не видят. В шестикратные бинокли, наведенные на них со всѣх судов, временами видно, как на мостиках, слегка разставив ноги и не отрываясь от биноклей, офицеры наблюдают за паденіями своих снарядов и корректируют стрѣльбу, а у орудій матросы,

словно на ученьи, подают снаряды, наводят и стрѣляют.

Трухачев внѣ себя от злости.

— Черт их дери, я послал их отогнать тральщиков, а онѣ с линейными кораблями в бой вступили. Поднимите «Ч» (что значит не слѣдовать движенію адмирала).

Оставив миноносцы внѣ обстрѣла, «Сибирскій Стрѣлок» полным ходом летит к канонерским лодкам. Подойдя почти к борту «Грозящаго», чтобы обратить на себя вниманіе, он принужден дать сирену. Только тогда командиры лодок оторвались от своего дѣла и замѣтили сигнал. Нѣсколько «ласковых» слов громового голоса Трухачева в мегафон и лодки, повернув за «Сибирским Стрѣлком», выходят из боя.

— Ступайте в Аренсбург, — кричит Трухачев, выйдя из зоны обстрѣла.

— Ступайте в Аренсбург и не смѣйте приближаться к линіи боя, — бѣсится он на мостикѣ «Стрѣлка».

Нѣмцы бездѣйствуют. В их рядах замѣтен беспорядок. Это дает миноносцам время приготовиться к новой атакѣ. Вдруг на востокѣ снова появляется дым. На этот раз это — «Слава». Но не успѣла она подойти на дальность своей артилеріи, как вокруг нея уже упал первый залп нѣмецких линейных кораблей. Круто повернув, она выходит из под обстрѣла

и, сдѣлав себѣ искусственный крен, снова вступает в бой. За это время оправившіеся нѣмцы снова начали тралить, но первые же залпы со «Славы» ложатся посреди каравана и один из тральщиков идет ко дну. То выходя из под обстрѣла, то входя вновь, «Слава» продолжает огонь по каравану, сама подвергаясь жестокому обстрѣлу линейных кораблей. Но добросить до них свои снаряды она явно не может. Положеніе ея дѣлается все рискованнѣе.

Видя все это, а также и то, что минное загражденіе уже протралено, Трухачев подходит к «Славѣ» и, также, как перед этим «Грозящаго» и «Урабраго», выводит ее из боя. Так как нѣмцы и сильнѣе и быстроходнѣе наших кораблей, то как только они убѣдятся, что минное загражденіе протралено, положеніе защитников станет безнадежным, Трухачев рѣшает отступление на Аренсбург.

У загражденія, для наблюденія за дѣйствіями непріятеля, остается быстроходный миноносец «Новик», а посреди залива располагаются восемь подводных лодок.

Около четырех часов дня суда стали на якоря в Аренсбургѣ. Немедленно к Трухачеву явился командир «Славы», капитан I ранга князь Вяземскій, и горько, по товарищески, упрекал его за то, что тот вывел его из боя.

— Вѣдь «Слава» хорошо бронирована, — говорил он. — Ей естественно быть под огнем

и получать снаряды. Зачѣм ты мнѣ не дал довести дѣло до рѣшительнаго боя?

В пять часов Трухачев посылает запрос на «Новик»:

«Что дѣлает непріятель?»

«Непріятель, повидимому, отходит», и еще через нѣсколько минут: «Непріятель отходит на Зюйд-Вест и скрывается за горизонтом».

Весь отряд снимается с якорей и идет к Церелю. Здѣсь «Сибирскій Стрѣлок» становится на, связанную телефоном с берегом, бочку и немедленно получает шифрованную телефонограмму:

«Вслѣдствіе Вашей мужественной обороны, непріятель отказывается от операціи и возвращается в свои порты. Поздравляю с успѣхом. Непѣнин».

Впослѣдствіи, по агентурным свѣдѣніям, стало извѣстным, что нѣмцы потому отказались от операціи, что они потеряли слишком много времени на траленіе, пожгли много угля и потеряли нѣсколько тральщиков. Кромѣ того, конечно, их наблюдательные посты, расположенные на южном побережьи залива, не могли не донести им, что в заливѣ их ожидают подводныя лодки. Да с приближеніем ночи и наши миноносцы становились им крайне опасными. Так или иначе, но атака сильнѣйшаго непріятеля была отражена, а наш флот не потерял ни одного корабля.

По точному смыслу статута, Георгіевская Дума Балтійскаго моря присудила Трухачеву Орден Св. Георгія, а Государь Император не только удостоил его этого ордена но еще и произвел в чин контр — адмирала.

————— : 0 : —————

На' шанцах

Крейсер «Богатырь» получил телеграфное распоряженіе немедленно выйти из Бизерты и слѣдовать в Вильфранш, гдѣ принять тѣло почившаго фельдмаршала великаго князя Михаила Николаевича и доставить его в Севастополь.

Пока поднимали пары, были посланы спеціальныя гонцы, чтобы собрать разѣхавшихся и разбредшихся мичманов и корабельных гардемарин. Пользуясь короткой стоянкой, многіе из них махнули в Тунис и теперь кто на автомобилях, кто на поѣздах, мчались в Бизерту.

Предстоял интересный поход. Вѣдь это такая рѣдкость, когда военному кораблю удается пройти через Босфор. В офицерской и в гардемаринской кают-компаніях только о нем и говорили. Старшій офицер нервничал, боясь за отпускных. Успѣют ли вернуться. Но в назначенный срок всѣ были на мѣстах и крейсер снялся с якоря.

Несмотря на зимнее время стояла чудная погода. Море не шелохнуло. А когда стали приближаться к Вильфраншу повѣял, наполненный запахом цвѣтов, береговой вѣтерок, очарованіе стало полным.

Отдали якорь посреди живописной бухты и немедленно приступили к приборкѣ и к настилкѣ палубы на баркасѣ, предназначенном для перевозки гроба.

Через консульство, командир получил извѣщеніе, что поѣзд с останками великаго князя прибудет в восемь часов вечера и что сопровождать тѣлу почившаго будет его сын великій князь генерал-адъютант Николай Михайлович с небольшою свитой. Перебравшись в каюту для старшаго офицера, свой салон командир освободил для великаго князя.

Вскорѣ и без того чистенькій крейсер, прямо блестѣлъ. Для приѣма гроба и пассажиров все было готово задолго до срока. На рули баркаса и парового катера были назначены самые лихіе из гардемарин. Всѣ перодѣлись в парадную форму и высыпали наверх.

Полюбоваться дѣйствительно было чѣм. Бухта Вильфранша представляла собою именно такую бухту, какую обыкновенно рисует на доскѣ учитель географіи, объясняя ученикам что такое бухта.

Защищая город от вѣтров, высоко поднимались, амфитеатром расположенныя сплошь покрытыя растительностью горы. У самой воды раскинулся веселенькій, утопающій в зелени городок. И повсюду цвѣты. Масса пвѣ-

тов. Воздух был насыщен их одуряющим ароматом. Дѣйствительно райскій уголок.

Около шести вечера, на верхушкѣ горы показались облака пара и дыма. Это шел ожидавшійся поѣзд. Поворачивая то вправо, то влево, он извивался змѣей, спускаясь спиралью.

Солнце уже зашло, когда ожидавшіе у пристани паровой катер с баркасом на буксирѣ отвалили от берега. Офицеры, гардемарины, матросы давно уже безмолвно стоят, выстроившись вдоль бортов. Пѣвчіе собраны на шканцах, командир — у трапа. Готовятся к встрѣчѣ. Старшій офицер на кормовом мостикѣ руководит подъемом гроба. Царит полная тишина. Слышно как работает машина подходящаго катера. Из за гор выплывает луна и со шканцев несетя пьаниссимо «Святый Боже».

Баркас подведен под стрѣлу, а с катера, по трапу, поднимаются провожающіе. Человѣкъ десять мужчин и столько же дам, в ярких от луннаго свѣта бѣлых траурных платьях. Никаких команд. Полное безмолвіе. Дирижируя, затянутыми в бѣлыя перчатки, руками, старшій офицер пускает в ход подъемныя лебедки и их приглушенное пыхтѣніе вступает акомпаниментом к хору.

Торжественныя, волшебныя и волнующія минуты.

Гроб тихо поднимается над палубой и медленно опускается на подставленные плечи. Его вносят в правый кормовой шестидюймовый каземат, гдѣ для него уже приготовлено мѣсто.

Судовой священник служит краткую литію и провожающіе съѣзжают на берег. На крейсере остается только великій князь и сопровождающій его генерал Баранов.

Дождались пока паровой катер перевез на судно багаж великаго князя и человекъ пять прислуги — все старых лакеев.

Крейсер снимается с якоря.

Так как мнѣ предстояла утренняя вахта с четырех до восьми, я, как только мы вышли в море, лег спать, а в половинѣ четвертаго меня уже разбудили. Была еще темная, ночь ксг да я вступил на вахту. Мы, гардемарины, не несли самостоятельной вахты, а один из нас, двух, состоял при вахтенномъ начальникѣ на мостикѣ, а другой наблюдал за порядком на верхней палубѣ. Вот эту то послѣднюю должность я и исполнял в это утро.

До шести часов, как всегда на этой вахтѣ, время тянулось томительно медленно, но когда разбудили команду и началась обычная корабельная жизнь, стало веселѣе. Уже совсѣм разсвѣло, когда, проходя по шканцам, я, вдруг, замѣтил, как мнѣ показалось, одного из великокняжеских лакеев, который сидѣлъ на шканцах и, о ужас, курил.

Надо сказать, что на военных кораблях шканцы почитаются мѣстом священным.

В первый момент я даже слов не нашел, чтобы выразить мое негодование.

— Вы на шканцах сидите! Вы курите на шканах! — крикнул я. — Вон! Убирайтесь вон!

Лакей моментально поднялся и, извинившись, скрылся в дверях командирского салона.

Прошло не больше десяти, пятнадцати минут, когда на палубу вышел великій князь в формѣ генерал адъютанта. Взглянув на него я остолбенѣл, так как в нем я узнал того самага лакея, котораго я только что прогнал со шканцев.

— Что испугался? — ласково улыбаясь заговорил великій князь. — Ну, ничего. Не волнуйтесь. Люди свои, — похлопал он меня по плечу.

Об этом случаѣ так никто и не узнал, пока мы не пришли в Севастополь. Здѣсь, прощаясь со стоявшим во фронтѣ судовым составом великій князь остановился против меня.

— А вам особое спасибо. Вы напомнили мнѣ то что я должен был знать. Обѣщаю, что больше на шканцах курить не буду, — и лукаво подмигнув мнѣ, прошел мимо.

Военная хитрость

Седьмой дивизион эскадренных миноносцев получил приказание идти в распоряжение начальника Або-Олландской шхерной позиции.

Выйдя из Гельсингфорса пошли шхерным фарватером. Путь хотя и не трудный, но требующий особеннаго вниманія и осторожности. Малѣйшая ошибка грозит, если не гибелью миноносца, то, во всяком случаѣ, болѣе или менѣе серьезной аваріей.

Миноносцу «Внимательный» не повезло. То ли рулевой поздно положил руля, то ли командир слишком прижался к вѣшкѣ, только около Ганге, перед самым выходом в залив, он хватил по камню лопастью лѣваго винта и, очевидно, помял ее. Началась, характерная, в таких смучаях, тряска, да и число оборотов машины пришлось увеличить, чтобы поддерживать то же разстояніе до передняго мателота.

Пренеприятная исторія. Придется, для замѣны винта, проситься в док и выслушивать массу неприятных вещей и от начальника дивизиона, да и от начальника дивизиі — пожалуй. Да это бы еще ничего, а вот придет время получать в командование большой мино-

носец, так как бы не задержали. Скажут— шхер не знает.

Одним словом неприятная, очень неприятная история. Тем не менее, скрепя сердце командир нагнулся над карточным столиком и принялся составлять донесение, чтобы сейчас же передать его по семафору.

— Вашескородие! Подводная лодка!—вдруг прервал его грустные размышления возглас одного из сигнальщиков. — Вон справа! К траверзу подходит! — продолжал тот, захлебываясь от возбуждения.

В самом деле. Справа от курса, кабельтовых в ста десяти, ясно обрисовался перископ и рубка подводного судна. Очевидно оно готовилось всплыть.

— Всѣ наверх! Боевая тревога! — скомандовал командир. — К орудіям ныряющих снарядов подать! Поднять сигнал: «Вижу неприятельскую подводную лодку.»

* * *

Окончив свое дежурство в устьѣ финскаго залива, подводная лодка «Аллигатор» возвращалась домой. Чтобы подзарядить аккумуляторы и подышать свѣжим воздухом, командир ее рѣшил всплыть при входѣ на большой Гангудскій рейд. Там, за прикрытіем островов

было уже не так свѣжо, как в открытом морѣ. Море казалось пустынным и ждать помѣхи было неоткуда.

Лодка уже на поверхности. Открыв горловину, командир, а за ним и его помощник, вышли на верх и принялись осматривать горизонт.

— А, вѣдь, это миноносцы, — приставляя к глазам бинокль, произнес старшій офицер.

— Гдѣ? Гдѣ?

— А, вон, из за острова выходят.

— А, вѣдь, правда. Чорт возьми! Это седьмой дивизион в Або идет. Вѣдь не дадут отдохнуть. Черти! Придется снова под воду нырять.

— Зачѣм нырять? Давайте поднимем опознавательные.

— Ну, нѣтъ. Пока будем ставить мачту, да поднимать сигнал, они огонь по нас откроют и правы будут. Лучше останемся в полуподводном положеніи. Авось не замѣтят.

— А если замѣтят?

— Если замѣтят, мы всегда успѣем погрузиться.

— Смотрите-ка! На концевом какой то сигнал подняли. Не о нас ли рѣчь идет? Вон и на головном поднимают.

— Ну, так и есть. Замѣтили. Видите,

строем фронта прямо на нас повернули. Дѣлать нечего. Давайте погружаться.

Не торопясь они спустились в лодку и закрыли за собой горловину. Вскорѣ на поверхности воды и слѣда от лодки не осталось.

— Прождем с полчаса а там и всплывем — говорил командир, уже под водой. — Долго они здѣсь не задержатся.

Прошло нѣсколько минут и в лодкѣ стали ясно слышать шум вращающихся винтов. Шум все приближается и нарастает. Вот он уже над головой. Вот начал удаляться а вот и вовсе затих.

Когда, выждав под водой с полчаса, лодка наконец всплыла, море снова оказалось пустынным. Только на западѣ, за островами виднѣлись дымы удалявшагося дивизиона.

Поставили мачту. Натянули антену. Вся свобода команда высыпала наверх.

— Так что телеграмма начальника седьмого дивизиона, вашескородь, — доложил вахтенный телеграфист.

— А ну. Давай-ка расшифруем. Не о нас ли доносит.

«Начальнику минной дивизіи. В десять пятнадцать, проходя Ганге, замѣтил непріятельскую подводную лодку и атаковал ее. Лодка погрузилась, но миноносец «Вниматель-

ный», повидимому, ударил ее лопастью лѣваго винта. Винт погнут. Прошу разрѣшенія, для его замѣны, отправить «Внимательный» в Гельсингфорс. Начальник седьмого дивизиона».

Рыцарь моря

Сергѣй Захарович Балк? Да его весь флот знал! Сергѣя Захаровича нельзя было не знать. Человѣкъ примѣчательный. Исключительный. Лѣтъ на двѣсти родиться опоздал, как про него говорили. Роста высокаго. Ченая борода, чуть не до пояса. Грудь сажень косая. Голос — труба іерихонская, а кулаки, словно молоты кузнечные. Нрава, хоть и крутого, но добр и отзывчив до чрезвычайности. Много про него рассказов по флоту ходило. Всѣх и не упомнишь.

Еще до Японской войны, в чинѣ лейтенанта-командовал он в Порт-Артурѣ небольшим миноносцем. Вот и послали его, как то раз, в Николаевск на Амурѣ, а перед самым походом встрѣтился он на берегу с одним поручиком, которому только что длительный отпуск был дан, но гдѣ проводить его, поручик никак рѣшить не мог. Вот Сергѣй Захарович и предложил ему поплавать у него на миноносцѣ. Поручик с радостью согласился и к походу был уже на миноносцѣ.

Пришли в Николаевск. Сначала все шло отлично а тут, вдруг, чѣм то проштрафился поручик, будучи на берегу, ну, комендант и арестовал его на гауптвахтѣ.

Очень это обидѣло Балка.

— Как! На спросив меня, командира, арестовывают моего офицера.

Взял, да и написал коменданту дерзкую бумагу, требуя немедленнаго освобожденія злополучнаго поручика.

Комендант даже не отвѣтил на его ультиматум.

Совсѣм разсердился Сергѣй Захарович. Дождавшись глубокой ночи, разбудил команду, построил ее на верхней палубѣ и обратился к ней, приблизительно с такой рѣчью:

— Ребята, вашего командира обидѣли. Хотите ли постоять за него?

А надо сказать, что матросы его, прямо, боготворили. Отцом-командиром он был для них. Регламентированных наказаній, а тѣм болѣе преданій суду вовсе не признавал. Весь его дисциплинарный устав в правом кулакѣ заключался. Набьет морду и дѣло с концом. Зато если бѣда какая с кѣм приключится — без помощи никого не оставит. Деньгами ли, ходатайством ли, связями ли, а уж непременно поможет.

Не мудрено, что на его вывоз вся команда с радостью откликнулась. Не долго думая, вооружил он ее револьверами да потихоньку и свез на берег.

Подкравшись к гауптвахтѣ, часового связал, караул обезоружил, поручика освободил и благополучно вернулся на миноносец, без потерь.

На утро комендант шлет к нему адъютанта с ультимативным требованіем — вернуть поручика на гауптвахту, грозя, в противном случаѣ, принудить его огнем артиллеріи.

— Передайте вашему коменданту, что чья артиллерія сильнѣе, мы еще посмотрим.

А надо сказать, что перед этим инцидентом, в Николаевск пришли еще три миноносца, командиры которых были младше Балка, так, что он, как бы, начальником отряда являлся.

Неизвѣстно чѣм бы эта исторія закончилась, если бы Балк не рѣшил собрать командиров на военный совѣт — как обороняться от коменданта. Воспользовавшись этим, командиры, да и сам виновник происшествія, поручик, кое как уломали Сергѣя Захаровича не допускать кровопролитія.

Задумался Балк. Разгладил свою бороду, махнул рукой и отпустил поручика с миром.

Не сдобровать бы ему за эту исторію, да случай помог. Почему то телеграмма о происшествіи, посланная военному министру, гдѣ то задержалась, а посланная морскому, адмиралу Берилеву, дошла во время. Он первый и доложил Государю о случившемся. Зная и любя

Балка, адмирал описал его Государю, который своею чуткою душой сразу понял этого чудобогатыря. В результатѣ, по личному повелѣнію Государя, Балк был отрѣшен от командованія и посажен, на какой то, не слишком большой срок, на гауптвахту.

Японская война застала Балка командиром портового буксира «Силач». На этом посту он показал чудеса храбрости, находчивости и знанія дѣла. В любую погоду, на самое трудное дѣло, только его и посылали.

Однажды была дана ему задача пройти с тралом в море и убѣдиться, не поставлено ли японцами мин по этому курсу.

Балк вышел. Отойдя миль на пятнадцать — двадцать он замѣтил по своему курсу, сперва дымы, а затѣм и цѣлый крейсерскій непріятельскій отряд.

Вы думаете он повернул? Ничуть не бывало. Так и продолжал идти к заданной точкѣ. Чѣм дальше, тѣм безпокойнѣе дѣлалась команда. Особенно старшій механик стал нервничать. Он нѣсколько раз поднимался на мостик с докладом о том, что котлы, де мол, текут и что такого хода они долго не выдержат. Балк все отмалчивался. Наконец взволнованный механик доложил, что через десять минут котлы обязательно взорвутся.

— Хорошо. Доложите мнѣ, когда останется одна минута.

Так и не повернул, пока не дошел до мѣста назначенія. Только послѣ этого, уже под обстрѣлом японцев, благополучно вернулся в Порт-Артур.

Лихой был командир. Вот только по части денежной отчетности вѣчно выходили у него недоразумѣнія. Боже сохрани. Копейкой казенной он не попользовался. Просто не в его натурѣ было сидѣть за цифрами и выписывать эти копейки по разным вѣдомостям. Зато и начетов же на него было. На нѣсколько десятков тысяч. Впрочем он не унывал.

— Пусть присылают начеты. Все равно я платить не буду. Вѣдь деньги то всѣ пошли по назначенію, а то, что я их не из того параграфа выводил, так не все ли равно. Вѣдь от этого казна не пострадала. На это есть бухгалтера и счетоводы. Пусть они разносят по параграфам, как это полагается.

Но однажды чиновники портового контроля уж очень ему надоѣли. Кажется, прекратили выдачу денег до тѣх пор, пока он не отсчитается за старое. Это бы еще ничего, но чѣм то еще и обидѣли они его. Жили эти

чиновники в маленьком деревянном домикѣ у самой береговой черты.

Взбѣшенный чиновничьей наглостью, Балк завел перлиня вокруг этого домика, дал ход машинам да и стащил домишко в воду. Слава Богу без человѣческих жертв обошлось.

Послѣ Японской войны, году, этак, в девятьсот десятом, Балк в чинѣ капитана 2-го ранга командовал миноносцем «Пограничник» в составѣ первой минной дивизіи.

Лихой был командир. Одна бѣда. Пил много. Так много пил, что друзья стали его уговаривать:

— Вредно это тебѣ. В могилу это тебя сведет. Яд это для тебя.

До того ему надоѣли, что заказал он себѣ графин и велѣл выгравировать на нем скрещенныя кости, череп и надпись «яд». С тѣх пор только этот графин и подавался ему на стол.

Пить он, дѣйствительно, чрезмѣрно много пил, но пьяным никто никогда его не видал. А уж в морѣ, болѣе осторожнаго командира трудно себѣ представить даже. На походѣ — с мостика не сойдет, на каждый береговой знак или груды камней — пелинг возьмет. Никогда никаких аварій с ним не случилось.

В тѣ поры, при плаваніи в шхерах, всѣ военные корабли были обязаны брать лоцманов-финов. Эти лоцмана и указывали форватеры; каждый на своей лоцдистанціи.

Однажды, идя шхерами, Балк получил радіо о том, что императорская яхта «Штандарт», на борту которой находился Государь Император с Августѣйшей семьей, идя шхерами выскочила на камни.

Обезумѣл от гнѣва Балк. Первое, что он сдѣлал, это огромным своим кулачищем вѣхал в зубы своему лоцману так, что тот с мостика полетѣл.

— Так-то вы, чухны проклятые, нашего царя бережете.

Затѣм, полным ходом, уже без лоцмана, полетѣл к мѣсту аваріи, гдѣ и принял к себѣ на миноносец всю царскую семью.

Была у Сергѣя Захаровича одна очень нехорошая привычка. Любил он, ложась спать и возстав от сна, сдѣлать нѣсколько глотков водки. Рот пополоскать, как он говорил. Вѣстовой прекрасно знал это и с вечера всегда приготавливал, на ночном столикѣ, знаменитый графин с надписью «яд».

Однажды зимой, когда весь полудивизион стоял в ремонтѣ у завода Ланге в Ригѣ, наканунѣ инспекторскаго смотря, Сергѣй Захарович довольно поздно вернулся с берега.

Войдя в каюту и раздѣвшись, онъ взялъ графинъ, приложилъ его горлышко къ губамъ и зажмурившись отъ предвкушаемаго удовольствія, потянулъ изъ него. Вдругъ глаза его съ недоумѣніемъ раскрылись, затѣмъ лицо изобразило, сперва отвращеніе, а затѣмъ и гнѣвъ.

В графинѣ оказалась вода.

— Вахтенный! — закричалъ онъ своимъ густымъ басомъ.—Вахтенный! Вѣстового ко мнѣ! Сію же минуту!

Когда злополучный вѣстовой появился въ каютѣ, Балкъ все еще стоялъ въ той же позѣ и съ графиномъ въ рукахъ.

— Вода, — прохрипѣлъ онъ. — Ахъ ты, негодяй! — и вѣстовой чуть не упалъ отъ полученной зуботычины.

— Вы не имѣете права драться. Завтра я на васъ претензію заявлю.

— Какъ? Ты осмѣливаешься грозить своему командиру? — и въ рукахъ Балка блестнулъ револьверъ.

Перепуганный вѣстовой бросился бѣжать на сосѣдній, стоявшій бортъ о бортъ, миноносецъ.

Начальникъ дивизіона мирно почивалъ въ своей каютѣ, когда неистовые вопли вдругъ разбудили его. Приподнявшись на койкѣ, онъ увидѣлъ валявшагося у него въ ногахъ матроса, а въ пріоткрытыхъ дверяхъ, въ одномъ бѣльѣ, наводящаго на него револьверъ, Балка.

На слѣдующій день, конечно, ни о какой претензіи и рѣчи не было. Да если бы вѣстовой и вздумал бы заявить ее, то матросы его со свѣту бы сжили.

Несмотря на свой буйный и крутой нрав, Сергѣй Захарович обладал добрым и нѣжным сердцем.

Однажды на одном из миноносцев случилось несчастье. Мичман, исполнявшій обязанности ревизора, сдѣлал растрату. Прокутил около тысячи рублей. Да так глупо это сдѣлал, что растрата, чуть ли не на другой день, и обнаружилась.

Жаль стало Балку глупаго мальчишку. Упросил он соотвѣтствующих начальников, не поднимать дѣла, обѣщая в недѣльный срок достать и внести растроченныя деньги. Тѣм бы дѣло и кончилось, если бы мать мичмана не вздумала бы прислать ему телеграмму: «Была у министра. Все уладила. Денег возвращать не надо».

Случайно эту телеграмму прочли офицеры и передали Балку ея содержаніе.

— Ах, так он значит негодяй. Ограбил казну и возвращать не хочет. Не буду ему помогать.

Мичмана предали суду.

Великая война застала Балка командиром транспорта «Кама» в чинѣ капитана 1-го ранга. К этому времени здоровье его сильно

пошатнулось. Однажды, его даже удар хватил. Напрасно говорили ему доктора, что пить ему абсолютно нельзя. Что за первым ударом послѣдует второй, а там третій, котораго ему не пережить.

— А послѣ второго, я еще смогу оправиться?—спросил он.

При вашем могучем здоровьѣ — вполне. Только уж третьяго не дожидайтесь. Рамоликом станете.

Оправившись, Балк ничуть не измѣнил образа своей жизни. Наконец хватил его и второй удар. Оправился он и от второго. Как вдруг, по флоту разнеслась грустная вѣсть: Сергѣй Захарович застрѣлился и завѣщал похоронить себя, в родной ему стихіи, — в морѣ.

Так окончил свою бурную жизнь этот богатырь земли русской.

Призрак

Командир вооруженнаго ледокола «Байкал» встрѣтил его на берегу незадолго до эвакуаціи Владивостока. Встрѣтил в ужасном видѣ. Оборванный, в лохмотьях и больной. А, в свое время, был он одним из лучших боцманов. Еще бы. Сколько лѣтъ старшим боцманом на «Герцогъ Единбургскомъ» проплавал. Сколько заграничных компаній совершил. Скольких строевых квартирмейстеров морскому дѣлу научил. Да и молодым, неопытным, в парусном дѣлѣ, мичманам, почтительно, но авторитетно указанія давал. А матросов школил... Из цыплят орлов дѣлал.

Большая окладистая рыжая борода. Нос ноздрями дождь ловит. Ручищи, что грабли. В кулаки сожмет, будто арбузами размахивает. Повадка не складная, а ловок, как обезьяна был. Коли на марс, или на салинг, быстрѣй его никто не добѣжит. А уж корабль знал — не хуже своей огромной пятерни.

Дѣльный, тольковый, был боцман. Одна бѣда. Под конец запивать стал. Через это и службы лишился.

Так вот, встрѣтил его командир «Байкала», вспомнил его старыя заслуги, да к себѣ на «Байкал» старшим боцманом и взял.

Ожил боцман Герасимов. Оно, конечно, маленькій ледокол, тебѣ не «Герцог Эдинбургскій», да и тому, как отцу родному обрадовался. Аж слезы кулаками утирать стал, как понял, что командир его к себѣ берет.

Как переодѣлся в форму, так и пошел шарить по кораблю, чтобы все, как полагается, самому знать. А на работу был лют. Не приведи Господь. До свѣту встает, за полночь ложится. Ну и дѣйствительно, не даром трулился. Лучшим кораблем наш «Байкал» был. Командир, да и старшой знали и любили морское дѣло и на новаго боцмана нахвалиться не могли.

Подошла эвакуація и очутились мы на Манилѣ. Команду, за ненадобностью, на берег, на вольныя работы списали, а корабли на долговременное храненіе поставили. Всего семь человек нас на «Байкалѣ» осталось. Командир, больной мичман Трегубов, боцман Герасимов, да, нас, четверо матросов. Вот и весь экипаж. Тоскливо стало. Словно мор по кораблю прошел. Вмѣсто шума, звона, гама смѣха да пѣсен, — извѣстно, на плавающем кораблѣ откуда тишинѣ взяться, — словно пустыня какая. Тоска.

Командир все больше у себя в каютѣ сидѣл, мичман Трегубов, по болѣзни, тоже наверху рѣдко показывался, Герасимов цѣлыми днями что нибудь чистил, драил да прибирал,

так что мы матросы, все больше вчетвером время коротали. Шлюпка то у нас одна единственная осталась, так что на берег то не больно часто удавалось съѣзжать. Тяжелое было время.

А и любил же Герасимов командира. То есть души в нем не чаял.

Помню, однажды адмирал Старк с берега к нам на «Байкал» приѣхал. Пообѣдать с командиром. Провѣдать его. Я, как раз, у трапа стоял. Командир адмирала встрѣчает, а сам прошенія просит, что флага адмиральскаго, за неимѣніем, поднять не может. На корабль этого флага вовсе нѣтъ, а на сосѣднее судно за ним послать, так шлюпок нѣтъ. Одна единственная, да и та за провизіей на берег ушла.

Адмирал только посмѣялся.

— Какіе там, говорит, флаги.

Ну и пошли они, вдвоем с командиром, в каюту.

А боцмац Герасимов тут же у трапа стоял. Услышал он, что командир про флаг говорил, да прямо на ют. И раздѣвается. А акул в заливѣ — видимо невидимо. Хотѣл я его остановить, да вѣдь, все равно, не послушал бы. Раздѣлся, да и плюх в воду. Поплыл на сосѣдній корабль.

Только это выходят адмирал с командиром на ют, смотрят, а посреди залива боцманская

рыжая голова из воды торчит. Командир аж за голову схватился. Акулы вѣдь.

— Герасимов! Куда ты!

— За адмиральским флагом, господин капитан второго рангу!

Командир только рукой махнул. Все равно поздно было его возвращать. Больше половины успѣл проплыть.

Да, вот какой был боцман Герасимов.

Все бы ничего, да без водки стал он прихварывать. Когда, когда бывало, спиртягой разживется. А то все больше поствовать приходилось. Вот однажды с ним и приключилось. Съѣхал, как то, командир на берег, а в его отсутствіе с боцманом припадок случился. Бьется. Пѣна изо рта. Побагровѣл весь. Ну, мы скорѣй в шлюпку и на берег. Командира извѣстить. Как доложили, он сейчас же в американскій госпиталь поѣхал докторов искать. Время то уже позднее, часов одиннадцать было. А мы на судно. За Герасимовым, чтобы в госпиталь его везти. Боялись не помер ли без нас. Но нѣт. Наоборот. Даже поуспокоился немного. Увидѣл нас, да и говорит:

— Поздно, братцы. Видно час мой пришел. Уважьте просьбу отходящаго. Украл я, у командира из под койки, бутылку спирту. Спокойно умереть через это не могу. Своего благодѣтеля. Все равно, как отца обокрал. Есть у

меня, в сундучкѣ, немного денег. Коли не хватит, что из вещей продайте, но как скончаюсь, купите бутылку лучшаго спирту на берегу и поставьте ему под кровать. Только тайно. Чтобы он об этом не узнал бы.

Обѣщали мы ему в точности его послѣднюю волю исполнить. Поуспокоился он послѣ этого. Погрузили мы его на шлюпку, да в госпиталь и отвезли.

Цѣлую ночь командир с докторами над ним промучился. Только напрасно все было. Ничто не помогло. Под утро, на руках у командира он и преставился.

Похоронили мы его. Честь честью. И стало у нас на «Байкалѣ» еще тоскливѣе. Командир, так тот совсѣм, как не свой стал. Все, бывало, ходит по спардеку, да сам с собой и разговаривает. А однажды, чуть до смерти нас не напугал. Гулял, гулял, потом остановился, смотрит в люк команднаго кубрика, да, вдруг, как закричит:

— Герасимов!

Это покойника то позвал. Мы аж на палубу, со страха присѣли. А он постоял, постоял, плечами пожал и ушел в свою каюту.

Вот, тут то, под вечер и случилось. Было часов семь с половиной, пожалуй. Темнѣть уже начало. Командир в каютѣ маслянный фонарь уже зажег. А каюта его на спардек

выходила. Одна дверь на спардек, а другая вниз, в корридор вела.

Вот сидит он на койкѣ и, вдруг, видит, как из внутренней двери, что вниз вела, Герасимов входит. Да и не то чтобы входит, а словно вдвигается. Вплывает. Не шевеля ногами.

Обмер командир. А Герасимов, таково это медленно, поворачиваться к нему начинает.

Все это уж потом командир нам рассказал.

Как увидѣл он, командир — то, что Герасимов поворачиваться начал, вот-вот в лицо глянет, понял, что бѣжать надо. Понял, что не вынести ему его мертваго взгляда. Бѣжать, а сам словно прирос к койкѣ. Однако, послѣднія силы собрал, да шастъ в дверь. На спардек. А там, на спардекѣ — то, столик стоял. На нем остатки ужина еще оставались. Прибрать не успѣли. Подбѣжал он к столику, схватил кусочек хлѣба и давай его жевать. Хотѣл дѣйствительность почувствовать. Что не во снѣ он. Что на яву дѣло то происходит. Глянул на корму, а Герасимов снова по спардеку плывет к нему.

Не выдержал командир, да по трапу вниз. Да в жилую палубу. Да к мичману Трегубову в каюту. Да не своим, задушенными, голосом, как крикнет:

— Трегубов! Герасимов идет!

Как глянул на него мичман Трегубов, так и

сам обмер. Видно понял, что Герасимов дѣйствительно идет.

Однако дальше спардека Герасимов не пошел. Исчез.

Еще долго потом ждали мы новаго его появленія. Но, слава Богу, не дождались. Больше не являлся. На другой день пригласили мы батюшку и отслужили по нем панихиду, ну и успокоилась его грѣшная душенька.

Только, все же, потом, бывало, как начнет темнѣть, всѣ вмѣстѣ собираемся. Чтобы, значит, на людях быт. Одному не оставаться.

Высочайшій смотр

Был июнь 1913 года. Отряд заградителей, под брeid-вымпелом Капитана 1-го ранга Канина, стоял на Лапвикском рейдѣ. Отряд этот был создан усиліями Начальника Морских сил Адмирала Эссена незадолго до войны. Раньше, не только в русском флотѣ, но и во флотах других держав, таких отрядов не существовало вовсе. Были отдѣльные минные заградители, но отрядов, которые обучались бы и практиковались исключительно в постановкѣ мин — не было.

Впослѣдствіи, при началѣ великой войны, отряд этот блестяще себя оправдал, когда за четыре часа перегородил Финскій залив семью рядами мин и создал, таким образом, центральную позицію Ревель — Гельсинфорс. Выставив тогда около трех тысяч мин.

Отряд состоял из шести кораблей, «Ладоги», «Онѣги», «Наровы», «Волги», «Амура» и «Енисея», причем только три послѣдних были построены заградителями, а остальные передѣланы из старых, отживших свои сроки, но тѣм не менѣе, еще пригодных для службы заградителей, судов.

На флагманском заградителѣ «Ладога» царит всеобщее возбужденіе. Начальник отря-

да только-что получил извѣщеніе, что через двѣ недѣли отряд будет вызван на Питкопасскій рейд, на котором стояла Императорская яхта «Штандарт», для представленія Государю Императору.

Высочайшій смотр. Честь огромная, но и отвѣтственность не малая. Сам Государь будет осматривать корабли и наблюдать маневры, недавно изобрѣтенных катерных тралов с подрывными патронами.

Естественно, что в кают-кампаніи других разговоров, кромѣ как о смотрѣ — не было. Сравнительно за короткій срок надо было привести корабль в блестящій вид, а сдѣлать это не так-то легко. Корабль старый. Очень старый. В текущем году пятидесятилѣтній юбилей со дня закладки исполняется. А сколько, за это время, когда он еще носил имя «Фрегат Минин», плаваний он совершил. Сколько мелких аварий и поврежденій имѣл. Не счесть. Поржавѣл, попортился, запачкался его корпус. Не легко придать ему блестящій вид. Придется много потрудиться и не мало потратить окрасочных денег.

Окрасочных денег. Не любит командир их расходовать. С трудом выдает. Экономит. Вѣдь онѣ безотчетныя. Вот и теперь, старшій офицер старшій лейтенант барон Майдель отказывает в краскѣ. А как без краски навести блеск

на старика. Офицеры волнуются, пристают к старшему офицеру, а тот только плечами пожимает.

— Не дает командир. Говорит, что не столько красить, сколько чистить надо, а для чистки краски, де мол, не надо.

Офицеры разбрѣлись по своим отсѣкам, но за обѣдом жалобы и просьбы о краскѣ возобновились снова.

— Погодите господа, я кое что придумал, вдруг заявил один из лейтенантов. — Ручаюсь, что денег мы достанем.

— Это откуда же?

— Командир даст.

— Командир? Ну это дудки.

— А вот увидите.

Послѣ обѣда группа лейтенантов уединилась в каюту старшаго минера, откуда, послѣ короткаго совѣщанія, прошла в помѣщеніе штаба. Было рѣшено, не официально, через флаг-офицеров, о создавшемся положеніи, довести до свѣдѣнія Начальника отряда. Как старый моряк, он, конечно, поймет, что перед Высочайшим смотром, нельзя жалѣть денег. А кромѣ того, как один из самых старых Капитанов 1-го ранга всего флота и как занимающій адмиральскую должность, он, конечно, надѣется на производство в адмиралы, но при условіи, что смотр сойдет хорошо.

Когда флаг-офицеры рассказали ему суть дѣла, он задумался. Уж очень он не любил исторій. Не хотѣл прямо говорит об этом с командиром.

— Вот что, — подумав, сказал он. — Сегодня четверг. Через два дня, в воскресенье, послѣ обѣдни я прикажу «корабль к осмотру». Пусть офицеры, незамѣтно, указывают вам на особенно дефектныя мѣста своих отсѣков, а вы будете наводить на них меня. Как бы невзначай. А за дальнѣйшее уж я сам берусь.

Как начальник отряда рѣшил, так и было сдѣлано. Правда, распекать он не умѣл, но дать свои, хотя и мягкія, но вѣскія указанія, для него труда не составляло. Одним словом, в воскресенье, послѣ обѣдни, командир пережил пренепріятный час. Как вареный рак ходил он за начальником отряда и выслушивал его замѣчанія. Зато послѣ этого, уж никаких отказов больше не было и корабль предался чисткѣ и окраскѣ — без помѣх.

Чистка шла по всему кораблю. Во всѣх его отсѣках, не исключая машиннаго и кочегарных. Старшій механики Капитан 2-го ранга Дитлов, хотя и не торопясь и не волнуясь но заботливо и тщательно приводилъ свою часть в образцовый порядок. А был он вольнодумцем. С таким либеральным душком. Даже с батею иногда ссорился, споря

на религиозныя темы. Адским интеллигентом себя считал. Не любили его офицеры. Благодаря вольнодумству, с ним в кают-компаниі произошел скандал. Старшему офицеру пришлось вмѣшаться даже.

— И чего вы всё так волнуетесь и кипятитесь? — как то сказал он офицерам. — Ну, смотр. Ну Высочайшій Смотр. Но чего ради из кожи то лѣзть. Смѣшно на вас смотрѣть, право. Как полоумные всё стали.

— Как чего волноваться. Вѣдь Сам Государь Император.....

— Ну так что же, что сам Государь. Будто Государь не такой-же человѣкъ, как всё. Успокойтесь. Ничего особеннаго не будет. Приѣдет полковник, будет смотрѣть, а затѣм полковник уѣдет. Вот и все.

— Как вы рѣшаетесь так говорить о Государѣ Императорѣ. Какой он вам полковник. Он самодержец и помазанник Божій. Он.....

— Потрудитесь не повышать голоса. Вы забываете, что я штаб-офицер, а вы лейтенант. Вы недисциплинарны. Вы...

— Какая уж тут дисциплина, если штаб-офицер осмѣливается.....

— Господа! Господа! — раздался голос старшаго офицера. — Потрудитесь прекратить этот разговор. А вы, господин Капитан 2-го ранга,

кромѣ того потрудитесь извиниться в том, что позволили себѣ без должнаго уваженія говорить о священной особѣ Его Величества. Потрудитесь заявить, что ваши слова были недобдуманнми и сорвались помимо вашей воли.

Наступило неловкое молчаніе. Дитлов поблѣднѣлъ, но молчал. Старшій офицер в рѣшительной позѣ, остановился против него и терпѣливо ждал исполненія своего приказанія.

— Прошу меня извинить, — наконец заговорил Дитлов глухим голосом. — Я не понимаю, как я мог сказать, то что сказал.

— А теперь, господа, по завѣдуемым частям, — снова заговорил старшій офицер — Я сейчас обошел помѣщенія и убѣдился, что работы идут вяло. Необходим глаз.

На этот раз инцидент был исчерпан. Всѣ дѣлали вид, что ничего не помнят и только сам Дитлов надулся и ни с кѣм не разговаривал.

Было на кораблѣ еще одно лицо, которое ожидало Высочайшаго смотра с надеждой и невыразимым трепетом. Это был кочегарный старшина Перебійнос. Герой Японской войны. С полным бантом Георгіевских крестов, отличный работник, опытный старшина, всеобщій любимец, но совершенно безграмотный. Заблѣло честолюбіе Перебійноса. Мечтал он и уже

давно о производствѣ в кондукторы. И вакансія была. И мѣсто кондукторское он занимал, но вот ... грамоты осилить не мог. А по закону в кондукторы производились по экзамену. Там не только грамота, а и физика и геометрія требовались. Много раз пробовали офицеры обучать его, только все без толку. Буки аз, еще сложить он мог, но уж буки аз добро не выходило. До добра так и не доѣхал. Гдѣ-то, какой-то грамотей однажды ему сказал, что будто-бы есть закон, что кавалеров всѣх четырех степеней можно производить без экзаменов. Обратился он к офицерам, но упрямый хохол не повѣрил их разъясненіям. К старшему офицеру ходил. К командиру. У самого начальника отряда побывал и никому не повѣрил. Затаил в себѣ обиду и как будто утих. А тут вдруг Высочайшій смотр. Сама судьба. И вот, в то время, как все начальство было занято подготовкой к смотру и не подозрѣвало, что на кораблѣ готовится преступленіе, в канцеляріи, за соотвѣтствующую плату, писаря составили ему прошеніе на Высочайшее имя. Не понимал глупый хохол, что сам себѣ готовит разжалованіе, лишеніе крестов и дисциплинарный батальон.

Время шло в непрерывной работѣ. Наконец было получено радіо о походѣ на Питкопасскій рейд. Погода стояла чудная. Переход сдѣлали

шутя. По приходѣ на рейд был назначен и день Высочайшаго посѣщенія.

На кораблях всего отряда офицеры и команды стоят во фронтѣ. К правому трапу «Ладогои» подходит паровой катер со «Штандарта» и Государь медленно поднимается на палубу.

По морскому уставу встрѣчает и рапортует Государю первым — начальник отряда, вторым командир и третим вахтенный начальник, причем, послѣ рапорта послѣдняго, командир должен громко назвать его чин и фамилію.

Так было и на этот раз. Приняв рапорт начальника отряда, Государь выслушал рапорт командира и обратился к, сдѣлавшему шаг вперед, вахтенному начальнику.

— «Ваше Императорское Величество на заградителѣ «Ладогога», вахтой править наряжен», громко отрапортовал лейтенант.

Держа руку под козырек, Государь перевел взгляд на командира, ожидая обычного «Лейтенант такой-то Ваше Императорское Величество». Но командир молчал. Молчал как пень. Блѣдный, трепещущій он беззвучно шевелил губами, слясь припомнить фамилію своего офицера. А плавал он с ним уже два года. Принимал у себя на дому. Но забыл ..... Забыл безнадежно.

Нѣсколько секунд длилось тяжелое молчаніе. Не отнимая руки от козырька, Государь стоял против лейтенанта и ждал.

— Лейтенант Фомин, Ваше Императорское Величество, — наконец представил себя сам вехтенный начальник.

Государь радостно улыбнулся и протянул ему руку. Поздоровавшись с караулом он направился к фронту офицеров.

Надо сказать, что встрѣчаясь с офицерами кавалерами боевых орденов, Государь всегда их спрашивал гдѣ и за что они их получили и, благодаря своей феноменальной памяти, надолго их запоминал.

На «Ладогѣ» всего два офицера имѣли боевые награды. Старшій офицер и старшій механик. Оба еще за японскую войну.

На обычный вопрос, барон Майдель, стоявшій на правом флангѣ, отвѣтил так, как полагается отвѣчать офицеру. Громко, кратко, отчетливо.

Переходя от офицера к офицеру, Государь подошел к лѣвофланговому, старшему механику. Пожав, как и остальным, его руку, он задал ему тот же вопрос. Повторилось то-же, что было и с командиром. Дитлов поблѣднѣл, затрясся, зашевелил губами, но ни слова произнести не смог. Прождав нѣсколько секунд, Государь взглянул на него с сожалѣніем, мило-

ство улыбнулся и прослѣдовал к стоявшим во фронтѣ матросам.

— Здорово первая вахта.

— Здравія желаем Ваше Императорское Величество. Ура... а... а...

— Здорово вторая вахта.

Вслѣд за отвѣтом, восторженное «Ура».

Ура еще не смолкло, а Государь уже направился в адмиральскій салон.

— Корабль к осмотру, — мимоходом сказал он начальнику отряда.

— Корабль к осмотру, — повторил тот команду.

— Корабль к осмотру, — приказал командир.

— Караул вниз. Корабль к осмотру. Помѣщенія освѣтить, — звучным голосом прокричал вахтенный начальник.

Всѣ понеслись по своим мѣстам. Но старшій механик превзошел всѣх. Он так стремительно бросился в свою машину, что не удержался на давно привычном желѣзном трапѣ и сорвавшись, грузно упал на машинную площадку. При паденіи он сильно повредил себѣ ногу. Даже и сухожилія, оказались порванными. Конечно, боль была дьявольская, но он превозмог ее. Дѣлая невѣроятныя усилія, он встрѣтил, спустившагося в машину Государя,

провожа́л его, как в машинном отдѣленіи, так и в кочегарках, наотрѣз отказавшись воспользоваться разрѣшеніем командира немедленно идти в каюту и лечь в постель. Когда Государь уѣзжал, он вылѣз из машины и до самаго конца стоял во фронтѣ. Только уж послѣ смотра он слег, был списан в госпиталь гдѣ и пролѣчился около трех мѣсяцев.

Между тѣм смотр продолжался. Обойдя жилия помѣщенія, погреба, трюмы, машину, Государь спустился в кочегарку. Перебійнос только этого момента и ждал. Со всего своего огромнаго роста, он неуклюже плюхнулся Государю в ноги и протянул челобитную.

Государь болѣзненно поморщился и строго взглянув, приказал ему встать. Приняв бумагу, Он ни слова не сказал глупому упряму, а обратившись к Флигель-Адъютанту полковнику Дрентельн передал ее ему.

— Прочтите и потом доложите.

Осмотр корабля закончился. Государь остановился на шканцах, наблюдая за приближавшимися двумя паровыми катерами с «Амура». Катера должны были затралить линію учебных мин, нарочно для этого поставленных, между «Ладогой» и «Амуром».

Наступил самый волнующій момент. Мин под водой не видно, не видно и волочащихся за катера-

ми тралов. Только бурлящія струйки по обѣ стороны катеров, над растягивающими тралы, змѣями.

Затралят, или не затралят? Подѣйствуют подрывные патроны, или нѣтъ? А Государь стоит и смотрит. Ждет.

Впереди идет катер номер первый, а за ним, уступом, в одном кабельтовѣ разстоянія, номер второй. Катер уже близко, а взрыва все нѣтъ и мина не всплывает.

— Что, он кажется уже прошел линію мин?— спрашивает Государь.

Но затаив дыханіе, всѣ молчат. Вот катер поравнялся с трапом, с носом. Сомнѣній нѣтъ. Не затралил. Всѣ смущенно молчат, опустив глаза. Государь нервничает и характерным движеніем теребит ус.

Между тѣм подходит второй катер. Линія мин уже далеко позади него. Значить опять ничего. Но тут, в момент наибольшаго напряженія, вдруг раздается рѣзкій взрыв и гигантскій черный мячик выскакивает из воды.

— Ну, вот и слава Богу,—говорит Государь.— Я видѣл, как надо и как не надо.

Смотр закончился. Под несшіеся со всѣх шести кораблей, неистовые крики ура, Государь отбыл на «Штандарт», на котором, вскорѣ был

поднят сигнал: «Государь Император благодарит за отличное состояніе отряда».

На другой день на «Штандартъ» состоялся обѣд на который были приглашены Начальник отряда, командиры и старшіе чины штаба. Хотя Государь и был, как всегда, ласков, но было замѣтно, что смотром он не доволен. Конечно никакого приказа о производствѣ начальника отряда в Контр-Адмиралы не состоялось.

Отпуская его послѣ обѣда, Государь передал ему прошеніе Перебійноса и сказал:

— Закон нарушить я не могу. Произвести в кондукторы без экзамена — нельзя. Но вы его не наказывайте.

В Лапвик возвращались подавленными и угнетенными. Смотр не удался. Государь не доволен.

Началась обычная жизнь. Мѣсяца через три из госпиталя вернулся старшій механик. Но как он, за это время, перемѣнился. Прямо узнать его было нельзя. От вольнодумства и слѣда не осталось. Видя в его несчастьи перст Божій и замѣтив в нем рѣзкую перемѣну, офицеры встрѣтили его тепло и радушно, так что вскорѣ, между ними установились самыя дружескія отношенія.

Что касается начальника отряда, то шестого декабря того-же года, за отличіе по службѣ, он был произведен в контр — адмиралы, а в послѣдствіи в вице — адмиралы и в адмиралы.

Послѣ-же смерти адмирала Эссен, он был назначен Командующим Балтійским флотом.

**Приключеніє
мичмана Щ.**

Отряд адмирала Небогатова покинул Аденский залив. Напрасно офицеры ломали головы, куда поведет адмирал свой отряд. Надо было грузиться углем, а для этого-выбрать такую якорную стоянку, гдѣ бы не помѣшали и откуда-не прогнали-бы.

Послѣ небольшого перехода, отряд стал на якорь в глухом и диком мѣстечкѣ Аравійскаго берега. На картѣ оно носило имя «Рас Мербат». Выбор был исключительно удачным, т. к. тут не было ни сухопутных дорог, ни судоходств, так-что свѣдѣнія о стоянкѣ отряда быстро распространиться не могли.

Наше якорное мѣсто отстояло очень далеко от берега, который, впрочем, ничего интереснаго в себѣ не таил. Песчанная пустыня и маленькая глинобитная крѣпостца с плоскокрышими домиками. Вот и все.

Сначала никто из кают-кампаніи и не помышлял о съѣздѣ на берег. Однако, скука и монотонность корабельной жизни пересилили лѣнь и мы, захватив с собой вооруженный взвод, отправились «изслѣдовать берег».

-При нашем приближеніи из крѣпостцы высыпала толпа человѣк двѣсти - триста, вооруженных арабов. Оружіе их заключалось в

длинных мечях, дротиках и ножах такой кривизны что они, скорѣе, походили на серпы. Не скажу, чтобы толпа эта имѣла миролюбивый вид, но мы, под прикрытіем нашего взвода, чувствовали себя в полной безопасности.

Начались мирные переговоры.

Языка туземцев мы, конечно, не знали и примѣнили старый испытанный способ-мимику.

Это нам вскорѣ удалось. Убѣдившись в наших мирных намѣреніях, туземцы успокоились и из ворот крѣпостцы вышел к нам шейх. Это был еще не старый мужчина, с довольно привѣтливым и носившим слѣды нѣкоторой интеллигентности, лицом.

Усѣвшись с нами на песок, он начал бесѣду. Испробованы были всѣ европейскіе языки, но безрезультатно. Было ясно, что он старается узнать нашу національность. На всѣх языках мы повторяли ему, что мы русскіе, но он не понимал этого слова и приступил к вопросам сам.

— Ингелезы?

— Нѣт.

— Франки?

— Нѣт.

— Романы?

— Нѣт.

— Московиты?

— Московиты, московиты, московиты, — о б-
радовались мы...

Опредѣлив нашу національность и убѣдив-
шись в нашем доброжелательствѣ, он, знака-
ми, пригласил нас в крѣпостцу, ввел в свой
дом и напоил чаем.

Входя в ворота крѣпостцы, мы обратили
вниманіе на часового, вооруженнаго винтовкой.
При осмотрѣ на ней обнаружили надпись:
«Сестрорѣцкій оружейный завод». Это была
русская кавалерійская берданка, невѣдомыми
путями попавшая в Аравію.

С видом любезнаго хозяина, шейх показал
нам свои владѣнія и, между прочим, протянул
руку по направленію цѣпи холмов, отстоявших
от крѣпостцы миль на десять, провел ребром
ладони себѣ по горлу, издав при этом звук,
какой, по его мнѣнію, издает зарѣзанный
человѣк.

Не знаю, что он этим хотѣл сказать, но
нас всѣх, вдруг, потянуло из тѣсной крѣ-
постцы на открытый берег.

Не без задней мысли, я подарил ему свой
револьвер с патронами. У него было столь-
ко разных мечей и ножей и я рассчитывал,
что он отдарит меня одним из них. Но,
видимо, старые мусульманскіе обычаи отжили
свой вѣк и я был награжден только его низ-
кими селями... Впрочем, вполнѣдствіи этот

мой подарок сослужил мнѣ большую службу. Может быть, даже, спас мнѣ жизнь.

На берегу наше вниманіе было привлечено большой толпой арабов, со вниманіем разсматривавших что-то, находившееся в центрѣ. Они вытягивали шеи и через плечи сосѣдей, старались заглянуть внутрь.

Заглянули и мы.

Под палящими, бьющими в голову, лучами аравійскаго солнца, стояла скамейка, а на ней в тропическом шлемѣ сидѣл капитан 2-го ранга А. и пьяненькими прищуренными, но довольными и веселыми глазками осматривал толпившихся изумленных арабов. На отлетѣ сидѣл машинист Клименко, тренькал на балалайкѣ и разбитым тенорком пѣлъ «барыню».

Под скамейкой стояла корзина с винными бутылками.

Это старшій офицер броненосца «С» «гулял на берегу.

На другой день мы закончили погрузку угля и стали готовиться к походу в 4 часа дня.

Хотя с океана шла огромная мертвая зыбь, но в общем, погода была отличная и я рѣшил воспользоваться временем и сдѣлать на берегу магнитныя измѣренія.

Сборы были недолгія. Маленькая шлюпка, инструменты, пара винтовок, старшій рулевой

на веслах и бая, большой любитель всяких экскурсий.

Чтобы избѣжать помѣхи со стороны любопытных арабов, мы направились далеко в сторону от крѣпостцы.

Все шло гладко, пока мы не приблизились к бурунам. Здѣсь, в нѣскольких саженьях от берега, заворачивались бѣлые гребни и с грохотом накатывались на берег. Нас взяло раздумье. Выбрасываться или возвращаться обратно. Но молодость безразсудна и безстрашна. На коротком совѣтѣ было рѣшено достичь берега.

Повернув носом в море, начали потихоньку сдаваться и вскорѣ увидѣли первый вал. Он был громаден. С саженой шипящей кучей бѣлой пѣны на хребтѣ. Гребец дал шлюпкѣ ход и мы в него врѣзались.

Прохладная, соленая шипящая вспѣненная вода покрыла нас с головами. Когда вал прошел, бати на носу не оказалось. Его смыло. Кромѣ того, наполненная водою до бортов шлюпка, медленно погружалась. Налетѣвшій второй вал перевернул ее, а нас отбросил далеко в сторону. Началась борьба не на жизнь, а на смерть. Берег был далеко, эскадра на горизонтѣ и помощи ждать было неоткуда.

Мы старались держаться за шлюпку, но удары волн отрывали от нея руки, захлестывали лицо и медленно, но вѣрно отнимали

силы. Первым ослабѣлъ батя. На поверхности воды плавала уже только шапка волос. Лицо и тѣло было под водою. Затѣм рулевой Фалин безнадежно махнул мнѣ рукой и пошел ко дну...Видимо дѣло наше было проиграно. Мы уже около часа боролись в бурунах и я чувствовал, как силы покидают и меня.

Вдруг Фалин выпрыгнул из воды с радостным восклицаніем «грунт». В самом дѣлѣ, опустив ноги, я почувствовал под ними песок. Очевидно приливом нас поднесло к берегу.

Ободряя друг друга, мы поймали батю, перевернул его на спину и принялись бороться с новыми силами.

Когда послѣдній удар выбросил нас на покатый песчаный берег, батя был без сознанія, Фалин-в полуошалѣвшем состояніи, а я, от полного удовольствія, прошелся колесом вдоль песчаных дюн.

Не медля, однако, мы приступили к спасенію утопленника. Дѣлали ему искусственное дыханіе, терли руки, ноги, уши и, во всяком случаѣ, прикладывали массу, если не знаній, то стараній. Что помогло, я не знаю, но минут через десять, батя сидѣлъ и с бараньим вырженіе лица смотрѣлъ на Индійскій океан.

Все было отлично, но, вѣдь, надо вернуться на корабль. Пробовали мы подать сигнал, при помощи весла и привязанной к нему

рубахи. Напрасно. Разстояніе, очевидно, было настолько велико, что нашего сигнала не замѣтили.

Время шло и явилось опасеніе, что начальство почитает нас погибшими. Время военное. Дорог каждый час. Что если эскадра уйдет без нас.

Не смотря на жару, нас стал пробирать озноб. Перспектива странствованій по Аравійской пустынь без оружія, без воды и пици, очень нам не понравилась.

Рѣшеніе совѣта снова было единогласным.— Идти в крѣпостцу и просить шейха о помощи. — Настроеніе наше сильно упало. Было так непріятно чувствовать себя обезоруженными, полуголыми и босыми, но вскорѣ всѣ эти непріятности потонули в мучительном чувствѣ жажды и в невыносимой боли в ногах. От раскаленного песка и острых камней, ноги покрылись кровью и каждый шаг причинял невыносимыя страданія.

Мы, все таки, шли, но с каждой милей страданія наши все увеличивались. Мы уже не шли, а тащились. Спотыкались, падали, со стоном поднимались, чтобы через двадцать-тридцать шагов снова упасть.

Добрались мы до крѣпостцы совершенно истомленными, но не скажу, чтобы там мы встрѣтили-бы радушный пріем. Нас окружила толпа, которая о чем-то спорила, а нас

дергали и переталкивали от одной группы к другой. У меня создалось впечатлѣніе, что рѣшается вопрос-сейчас ли прирѣзать этих бродяг, или подождать прихода шейха.

Наконец пришел и шейх. Сначала нас он не узнал. Да и не мудрено. До того мы были оборваны, истощены и жалки. Присмотрѣвшись, однако, и наконец узнавши вчерашних московитов, он оживился, приказал принести нам воды, отогнал своих подданных и знаками объяснил, что доставит нас на эскадру.

На большой плоскодонной лодкѣ подняли парус и торжественно повезли горе-путешественников.

Прибыли мы во-время. Перед самой съемкой с якоря. Оказывается, за нами посылали баркас с мичманом К. и со взводом десанта. Найдя разбитую шлюпку и выброшенные на берег ящики с инструментами, К. вернулся и доложил, что мы, несомнѣнно, погибли.

Наш командир, как-раз, возвращался с флагманскаго корабля, гдѣ он дѣлал доклад адмиралу об этом прискорбном случаѣ. Увидѣвъ нас, он страшно разсердился. Раскричался, начал бы-ло дѣлать выговор, но взглянув на наши костюмы, махнул рукой и ушел в каюту, а мы нырнули каждый в свое помѣщеніа. Доклад и разнос были отложены на завтра.

Но завтра не принесло командиру желаннаго удовлетворенія, так как у меня оказался солнечный ожег всей верхней половины тѣла. Я распух как бревно и собирался умирать.

Проболѣл я довольно долго и когда, уже около самаго Цейлона, выполз на мостик и держа несгибающимися пальцами секстан начал ловить солнце, гнѣвъ старика утих и приключеніе было предано забвенію.

ПОД НОВЫЙ ГОД

На столъ были разставлены всевозможныя явства и питія. За немѣнимъ шампанскаго, в бакалах искрилось бѣлое вино. Только что встрѣтили новый год. Обычныя, в таких случаях, пожеланія и здравицы, воспоминанія прошедших лѣтъ и предположенія о наступившем годѣ, горечь прошлаго и сладкія надежды на будущее, все это перемѣшалось и создало то приподнятое настроеніе, которое обычно бывает при встрѣчѣ новых годов.

— Да. Интересно было бы приподнять, скрывающую эго от нас завѣсу, — произнес один из гостей. — Вѣдь, все что должно совершиться, втеченіе этого года, уже давно, до самых мельчайших подробностей, рѣшено и записано. Только прочесть это не всякому дано.

— Это вы предопредѣленіе проповѣдуете. Кальвинизм.

— Ничего я не проповѣдую, так как и сам, в этой области ничего не понимаю. Знаю только, что иногда, нѣкоторым людям, при нѣкоторых обстоятельствах, будущее открывается совершенно точно.

— Ну, конечно. Ясновидцам, предсказателям, гадалкам и прочим спеціалистам которые...

— Нѣтъ. Не ясновидцам и предсказателям, а самым обыкновенным людям.

— Это интересно. И что-ж, вы сами были свидѣтелем таких предсказаній?

— Один только раз.

Разговоры за столом смолкли и все общество с интересом обратилось к говорившему.

— Служил я тогда в штабѣ адмирала Колчака. Помните, когда он Командующим Черноморским флотом был назначен. Он меня из Балтики тогда с собой взял. Так вот.

В самом концѣ декабря шестнадцатаго года, адмирал получил агентурныя свѣдѣнія, что «Гебен» собирается на праздники сдѣлать налет на наше побережье. Чтобы встрѣтить непрощеннаго гостя, он сам рѣшил выйти в море. Так как большинство кораблей находилось в ремонтѣ, он ограничился «Евстафіем», «Іоанном Златоустом» и одной группой миноносцев.

Не желая, на короткій поход, дѣлать перемѣщеній команднаго состава, он поднял свой флаг на флагманском кораблѣ бригады, на «Евстафіи», на котором плавал начальник этой бригады, контр-адмирал Лукин. Таким образом, два адмирала оказались на одном кораблѣ. Взял он с собой походный штаб, в котором я был начальником оперативнаго отдѣленія и 30-го декабря мы вышли в море.

Направились к Анатолійским берегам. Погода была немного свѣжая, так что миноносцы

Порядочно покачивало. У нас же, на линейных кораблях, качка чуть только замѣчалась.

Так как можно было ожидать атак подводных лодок-шли зигзагами, полными ходами и миноносцы несли охранную службу. Тридцать перваго, во время утренняго рапорта, выяснилось, что у миноносцев осталось мало нефти, а потому Колчак отослал их в Севастополь, с тѣм, чтобы приняв нефти, они бы к нам присоединились.

Это распоряженіе вызвало большую радость на миноносцах. Еще бы. Им представлялась возможность встрѣтить новый год дома. В Севастополѣ.

Миноносцы ушли, а мы, вдвоем с «Злаотуостом» остались без охраны.

Пока не начало темнѣть, опасность от подводных лодок была реальной и дѣйствительной, почему и напряженіе на мостиках было полное. Все вниманіе было сосредоточено на водѣ. Но с темнотой, опасность миновала и всѣ мы, в том числѣ и Колчак, вздохнули свободнѣе.

— А, вѣдь, завтра новый год, — вдруг вспомнил адмирал. — Чуть было не забыл о нем, с этими подводными лодками. Надо бы его встрѣтить, — нерѣшительно посмотрѣл он на меня. — Как бы не обидѣлся.

— Что-же. Это можно.

— Да. Знаете-ли. Прикажите вѣстовым со-

брать какую-нибудь закусочку и выпьем по рюмкѣ коньяку, что-ли. Минут двадцать, тридцать посидим, да и разойдемся. Только предупредите об этом адмирала Лукина. Пусть соберет г. г. офицеров к одиннадцати сорока. Этого времени, я думаю, будет достаточно.

Спустившись вниз, я прошел в каюту адмирала Лукина и доложил ему об этом приказаніи.

— Хорошо. Только знаете что. Мнѣ смертельно хочется спать. Прямо не понимаю, что со мной. Не откажите в любезности. Разбудите меня в одиннадцать, а я пока прилягу.

Заглянув в каюту Колчака, я убѣдился в том, что он не спит и поднялся на мостик.

Вѣтер немножко стих, но все-же было довольно свѣжо. По небу, временами пропускающая слабый свѣтъ луны, мчались рванья тучи. Волны с шумом разбивались о нос корабля и загорались мертвенным свѣтом, фосфорисцируя. Залюбовавшись этой картиной, я чуть не пропустил одиннадцати часов.

На этот раз, когда я зашел в каюту, Лукин крѣпко спал. Послѣ настойчивых усилій, наконец мнѣ удалось разбудить его. Он вскочил с койки и еще долго ничего не понимая, смотрѣл на меня встревоженными, безумными глазами.

— Хорошо! Хорошо! Я приду. Спасибо.

Я вышел наверх, но в половинѣ двѣнадцатаго снова заглянул к Лукину. Смотрю, он, в одной рубашкѣ, стоит посреди каюты в какой-

то странной нерѣшительности, или растерянности.

— Ваше превосходительство! Что-же вы не одѣваетесь? Вѣдь уже половина двѣнадцатаго. Опоздаете. Гроза будет. Адмирал Колчак...

— Ах, да, да, да. Я сію минуту. Идите! идите! Я сейчас.

Без двадцати двѣнадцать всѣ, во главѣ с Колчаком были в сборѣ. Не было только Лукина.

Обведя всѣх взглядом и замѣтив отсутствіе его, Колчак нахмурился.

— Ну, а как начальник бригады? Почтит он нас своим присутствіем?

— Ваше превосходительство, я три раза ему докладывал. Он...

— Сходите и доложите еще раз.

Иду и застаю Лукина совершенно одѣтым, завязывающим галстух, который почему-то, никак не хотѣл завязываться.

— Сейчас. Сейчас. Вот галстух никак завязать не могу.

— Разрѣшите вам помочь?

— Нѣт. Нѣт. Я сам. Идите! Я сейчас, — бормотал он, судоржно передергивая, развѣвающейся во всѣ стороны галстух.

Постояв в каютѣ в нерѣшительности нѣсколько секунд и поняв, что борьба с галстухом будет продолжаться долго, я, смущенный побрѣл в салон. Но, что я мог доложить адмиралу?

А он шутить не любил. Обязательно выйдет исторія, которую мнѣ же придется расхлебывать.

Однако, войдя в салон, я с облегченіем замѣтил, что он чѣм-то развеселился и на меня вниманія не обращает. Так о Лукинѣ и не спросил.

Ну, встрѣтили мы 1917 год. Прокричали «ура» в честь Государя Императора и в четверть перваго разошлись. Я побрѣл на мостик и облакотившись о поручни задумался, созерцающая фосфорисцирующую волну. Помню, что меня охватила какая-то, гнетущая тоска. И сам не знаю почему. Вдруг чувствую, что кто-то меня трогает за плечо. Оборачиваюсь—Лукин. В полной парадной формѣ и при орденах.

— Ну, что? Скажите. Была-ли гроза?

Надо сказать, что Колчака он таки побаивался.

— Нѣтъ. Слава Богу все благополучно прошло. Но скажите, ваше превосходительство, почему, почему вы не пришли?

— А вот еще. Буду я эту гадость встрѣчать.

— Какую гадость?

— Да 1917 год.

— Почему гадость? Вы-же знаете, как хорошо все складывается сейчас. Армія пополнена и твердо стоит. Снарядов, патронов и вообще всякаго оружія хоть пруд пруди. Всеобщее

мнѣніе, что весной мы побѣдно закончим войну.

— Вы так думаете? Ну, пойдите я вам расскажу.

Спустишись с мостика, мы прошли в еле освѣщенный и совершенно пустой адмиральскій салон.

— Он ко мнѣ приходил, — напряженно смотря мнѣ в глаза, вдруг произнес Лукин.

— Кто он?

— Он. Матрос с «Трех Святителей», который повѣсился. Развѣ вы этого происшествія не знаете?

Хотя я и слышал, ходившіе по флоту, рассказы про случившуюся на — «Трех Святителях» драму, когда им командовал Лукин, слышал и про таинственныя явленія ему мертваго матроса, но жалая услышать об этом от него самаго, сдѣлал вид, что ничего не знаю.

— Это старая исторія, — задумчиво произнес он. — Я тогда линейным кораблем «Три Святителя» командовал. Подбор офицеров и команды был превосходный. Одно возмущало меня.

Вы, вѣдь, знаете, я очень религіозный человѣкъ. Возмущало меня их отношеніе к религіи. К церкви. Бывало, по воскресеньям, когда присутствіе в церкви обязательно, корабельная церковь полна. Но по субботам, ко всенощной никто не являлся. Священник, я, да

псаломщик. Больше никого. Попробовал я через офицеров разъяснить командѣ обязанности православнаго воина, но ничего не вышло. Тогда я написал приказ. Написал его от души. С сердцем. Не как к матросам, а как к братьям своим обратился. Думал достучусь до их сердец. Разбужу в них совѣсть. Да не тут-то было. Пришел я в церковь, в первую же субботу, послѣ выхода приказа. Пуста церковь. Из матросов человѣк пять. Не больше. Очень это меня разсердило. Подошел я к паникадилу, чтобы свѣчу поставить. Зажег ее, да почему-то, вмѣсто того чтобы огнем вверх, перевернул, да огнем вниз и поставил. Ну, разумѣется, свѣчка потухла. Почему это я сдѣлал, я и по сей день не понимаю. Так вышло. Поставил свѣчу, повернулся и вышел из церкви. Не мог молиться. Душу досада одолѣвала.

Служба без меня отошла. Вечером, чтобы разсѣяться я на берег съѣздил. А на утро старшій офицер мнѣ докладывает, что команда волнуется. Что кто-то в ней слух распростаранил, что я проклял ее.

Признаться я не придал особаго значенія этому докладу. Успокоются, думаю себѣ, дурачье. Вот тут и пришла бѣда. Ночью один из матросов повѣсился. Повѣсился и письмо оставил, что смертью своей протест заявляет против дурнаго обращенія командира с командой. Ну, и заварилась каша.

Дознанія, допросы, слѣдственную комиссію из Петербурга прислали. Только ничего обнаружить не смогли. Свѣчку вверх ногами поставил, вот и всѣ обвиненія. Кончилось дѣло ничѣм. Не нашли на мнѣ вины. Но все-же, послѣ такой исторіи неудобно мнѣ было оставаться командовать этим кораблем. Я и ушел в штаб флата.

Да. Все это дѣло явно дѣлалось, а вот не явно, другое происходило. На другую же ночь послѣ смерти, явился этот матрос ко мнѣ и прощеніе просил.

— Как-же он явился? Во снѣ или на яву?

— Не знаю. Не могу вам отвѣтить. Не то сон, как явь, не то явь, как сон. Только с ним мы долго бесѣдовали. — Простите, — говорит, — Покончил я с собой совсѣм по другой причинѣ, а из хулиганства, да злобы, на вас свалил.

С тѣх пор, особенно, как началась война он ко мнѣ часто является. Явится и расскажет ближайшее будущее. Вѣдь он мнѣ и встрѣчу с «Гебенom» в туманѣ, тогда, когда мы его в Босфор прогнали, предсказал. Вообще он мнѣ очень много чего предсказал. Но вот сегодня мнѣ особенно тяжело было.

— Когда же он к вам явился?

— А вот помните, я вам сказал, что меня неудержимо ко сну клонит. Это он меня звал.

— Что же он вам предсказал?

— Что год этот, будет ужасным годом. Но что в этом году кончится война.

— Кто же побѣдит?

— Этого он не сказал, но судя по его настроенію, не мы. Между прочим сказал, что видит наш флот в Босфорѣ.

— Значит, наша экспедиція удастся.

— Нѣтъ.. Не то.. Не то.. Как-то иначе все. Сказал, что послѣднее боевое столкновение черноморскаго флота будет у острова Федониси... Затѣм он меня спросил. Хочу-ли я видѣть будущую Россію?

— Что же вы отвѣтили?

— Конечно «хочу». И лишь только я произнес это слово, вдруг перед моими глазами раскинулось необъятное, поросшее травой и покрытое кочками болото. Трясина. И по кочкам прыгают голенькія дѣвченки.

— Ну, вы, ваше превосходительство, на игривый тон перешли.

Вдруг он как вскочит. Поблѣднѣл весь и дрожит.

— Вы что-же, шутки со мной шутить хотите. Я вам про грядущій ужас говорю, а вы смѣетесь. Или вы не понимаете что означает болото и вся эта картина?

— Не понимаю, — смущенно отвѣтил я.

— Ну как не понимаете, — нѣсколько успокоился он. — Болото. Что такое болото? Мерзость запустенія. — Почему однѣ дѣвченки? —

да потому что мужчин всѣх перебьют. Почему дѣвченки голыя? — да потому, что весь народ до нитки оберут... Теперь поняли?... А вы хотите, чтобы я встрѣчал этот мерзостный год... Пока вы закусывали, я Богу молился.

Не скрою, рассказ адмирала произвел на меня сильное и гнетущее впечатлѣніе. Но молодость легкомысленна... Страшен сон, да милостив Бог... Все-же, эту ночь я долго не мог заснуть. А на утро меня разбудили передав для расшифровки радіо миноносцев, просивших рандеву. Началась обычная жизнь. Рассказ адмирала потускнѣл и, почти совсѣм, забылся. Вспомнил я его много позднѣе. Вспомнил сбывшееся предсказаніе про остров Федосини. Вспомнил эскадру генерала Врангеля в Босфорѣ и необъятную трясину в которую превратилась Россія.

Рассказчик тяжело вздохнул.

— И знаете что, господа, — снова заговорил он. — Рассказ мой, конечно, необычен. Даже невѣроятен. Но, вѣдь, все, что я вам рассказывал, дѣйствительно было. Знаю я и чувствую, что вы, хоть так же как и я, не понимаете этого происшествія, но тѣм не менѣе, зная меня, вѣрите мнѣ. А вот если описать все это в видѣ рассказа - никто не повѣрит. Скажут новогодняя фантазія увлекающагося автора. Что дѣлать? Уж так устроен человѣческой

мозг. Он отвергает все то, чего не может постичь.

Разказ произвел на присутствующих сильное впечатлѣніе, так что нѣкоторое время царило молчаніе.

— Господа, но вѣдь сегодня мы встрѣчаем не проклятый семнадцатый, а 36 год. Вот увидите он будет благословенным, — произнес кто-то из гостей. — в честь 1936 года... Ура!!!

ДОКТОР

Наш отряд, или как его тогда называли, отряд Небогатова, миновал Цейлон. За долгое плаваніе корабли прекрасно сплывались и люди привыкли друг к другу.

Так как за много мѣсяцев похода мы не заходили в населенные города, а изо дня в день проводили свое свободное время только в кают-компаніях — скука в них царила потрясающая. Друг друга мы знали наизусть. Знали кто, что и когда скажет. Не мудрено, что мы пользовались всякой возможностью, хоть немного развлечься и позубоскалить.

В нашей кают-компаніи козлом отпушенія был доктор. Его постоянно вышучивали. Был он очень милый, но совершенно штатскій человек. Попал на корабль случайно и ужасно не хотѣл идти на войну. Чтобы улизнуть, он еще перед походом, придумывал массу трюков и хитростей, только ничто ему не помогло и ему пришлось раздѣлить нашу участь. Однако, своими уловками, он сдѣлал себя мишенью для всяческих острот и шуток, отчего не мало страдал.

Наш стол, за отсутствіем рефрежиратора, не блистал разнообразіем и часто, чуть-ли не

через день, мы получали на сладкое вареный рис с вареньем. Блюдо это было очень похоже на кутью и, обыкновенно, за этим блюдом, с одного из концов стола задавался один и тот же вопрос:

— Кого будем поминать?

С другого был неизменный отвѣт:

— Доктора.

Ъли и поминали доктора:

— И вѣдь какой хорошій был человек.

— Да. Добрый такой, царствіе ему небесное.

— Вѣдь, вот, поди-ж ты. Жил, жил, да и умер.

— Без покаянія, главное. Вот, что обидно.

И так далѣе и так далѣе. Бѣдный трусливый и мнительный доктор блѣднѣл и не находил себѣ мѣста. Но, вѣдь, этого только и надо было.

Или вечером, в ярко освѣщенной, но наглухо задраенной кают-компаніи начинался спор на тактическія темы, но по заранѣе составленному плану.

Воображая наш корабль полуразбитым в бою, одна группа офицеров искала ему пути отступленія, а другая-же настаивала на таранном ударѣ.

Доктор, сперва, только прислушивался, но в концѣ концов, бѣдняга, не выдерживал и на-

чинал горячо, с увлечением поддерживать первую, доказывая, что при современных кораблях, — таранный удар - безумие.

— Вы подумайте. Вѣдь не только неприятельскій, но и свой корабль погибнет. Развѣ это цѣлесообразно? Развѣ это нравственно? Какое мы имѣем право губить достояніе Россіи? А потом, сколько людей мы понапрасну губим. А у этих людей семьи остались в Россіи, значит и семьи мы губим. И все это только для того, чтобы докзать, что мы храбры.

Но краснорѣчіе доктора давало обратный результат. Оно заставляло объединиться обѣ враждующія группы в твердом намѣреніи закончить дѣло таранным ударом. Убѣдившись, послѣ горячаго спора в своем безсиліи внушить им свою точку зрѣнія, бѣдный медик покидал кают-компанію совершенно растерянным.

Любили мы позубоскалить и над своим командиром. Дѣло в том, что этот добрый и милый человек, хорошій моряк и безупречный воин, страшно боялся адмиралов, а Рождественскаго в особенности. Он часто, чаще чѣм это слѣдовало-бы говаривал:

— Как было бы хорошо встрѣтить сперва японцев, а уж затѣм Рождественскаго.

Впрочем его мы очень любили и уважали.

Так между вахтами и учениями протекало время.

— Был уже апрѣль мѣсяц. Время штилей и ураганов. Но счастье сопутствовало нам и свѣжей погоды мы не имѣли. У берегов Суматры-мы погрузились, в открытом морѣ; углем и теперь поднимался вопрос, какой пролив избрет адмирал для входа в Южно-Китайское море — Малакскій или Зондскій.

Неприятель был уже близко. Можно было ждать нападенія миноносцев и поэтому вопрос этот был особенно интересен.

Адмирал распорядился так: госпитальное судно «Орел» послал Зондским проливом, приказав ему задержаться в Батавіи и произвести там впечатлѣніе, что за ним слѣдует вся эскадра, а сам пошел через Малаку.

Пролив этот, вначалѣ очень широкій, постепенно суживается и заканчивается Сингапуром—большой англійской базой.

При входѣ в залив мы получили опредѣленные свѣдѣнія, что группа японских миноносцев готовится здѣсь нас атаковать.

Были приняты всѣ мѣры предосторожности. Орудія заряжены и прислуга спала около них не раздѣваясь. Офицеры, в двѣ смѣны, наблюдали за морем.

Ночь была очень темная. По всему горизонту, не переставая играли зарницы. Время

от времени налетали шквалы с проливными, но совершенно теплыми, дождями. Иногда фосфорисцирующее море бороздили акулы, создавая полную иллюзию идущей мины Уайтхеда. Первая ночь абсолютно без сна.

День прошел спокойно, но наступившая вторая ночь, была еще томительнѣй первой. Ожиданіе минной атаки было еще напряженнѣй, но и эта ночь прошла без приключеній. Но так-как атака была нам предсказана, то ни для кого не было сомнѣній, что она произойдет третьей, т. е. послѣдней ночью в Малакском проливѣ.

Без огней, без шума, словно четыре огромных тѣни, двигались мы в нѣскольких милях от Сингапура. Был отчетливо видѣн свѣтъ его фонарей.

Здѣсь, под боком у тайных друзей Японіи и почти открытых наших врагов, надо было быть готовыми ко всему. Быть особо внимательными и бдительными.

Внезапно, впереди идущій корабль круто покотился вправо. Вахтенный начальник и командир, схватившись за поручни, напряженно вглядывались в темноту.

— Лѣво на борт! — раздалась команда.

— Вижу силуэты малых судов, — быстро, но в пол голоса произнес мичман М. Смотрѣл и я, но ничего не видѣл.

— Миноносцы — слышался чей-то голос.

— Боевую тревогу! Открыть огонь! Горнист на мостик!

— Гдѣ горнист? — волновался командир.

Из боевой рубки, не то выскочил, не то был вытолкнут, задремавшій там горнист.

— Открыть огонь! — крикнул ему командир.

У горниста лязгнули зубы и задрожали руки. Он приложил горн к губам, но кромѣ короткаго пискливаго звука, извлечь из него ничего не мог.

В этот момент луч прожектора с задняго мателота освѣтил ряд, очень длинных, рыбачьих шлюпок. На них были отчетливо видны фигуры, махавших руками людей. Это были туземные рыбаки. Очевидно они были сильно напуганы внезапным появленіем темных силуэтов и ярким лучем прожектора.

Наконец мы вышли из пролива. В это время офицеры почти не собирались в кают-компаниі, так как служба требовала их постоянного присутствія наверху. Хоть эти то дни доктор отдохнул от острот. Молчаливый от природы, он стал еще молчаливѣе за эти дни.

— Все письма пишет, — говорили про него вѣстовые.

На верхней палубѣ он почти не появлялся.. Развѣ только днем. Про него, как-то, забыли тогда. Да и сам он о себѣ не напоминал, сидя в своей каютѣ.

Наконец, близъ бухты Ван-Фонг (во французском Анамѣ) мы соединились с эскадрой адмирала Рождественскаго, а через десять дней, погрузившись углем в гомерических количествах, вышли в море, имѣя задачей-пройти во Владивосток.

Боже, как надоѣл нам этот уголь. Его сыпали всюду, куда только было возможно. Не считались с затопленіем брони, ни с устойчивостью, ни с удобствами жизни. Полныя угольные ямы, мѣшки с углем на палубѣ, в каюткампании и во всѣх, болѣе или менѣе, свободных помѣщеніях. Запас угля сдѣлался—*idée fixe* Грязь была отчаянная. Всѣ мы ходили, как немытые кочегары. Уголь в ушах, в носу и на зубах.

Было много толков, какой путь избрет адмирал для входа в Японское море, но вскорѣ стало ясно, что мы идем к Цусимѣ.

Однажды, послѣ повѣрки компаса в центральном посту, я проходил мимо лазарета. Вдруг чувствую, что кто-то берет меня за руку. Оборачиваюсь. Доктор.

— Знаете. Вы штурман? Рядом с командиром на мостикѣ стоите. — забормотал он.

— Ну так что-же, — с недоумѣніем остано-
вился я.

— Повліяйте на него, чтобы не таранил.
Вѣдь это безуміе. Вѣдь это...

— Хорошо, хорошо, — постарался я осво-
бодиться от него.

— Только не таранить! — крикнул он мнѣ в
слѣд.

Помню, что какое-то странное и тягостное
чувство вызвала во мнѣ эта встрѣча. Но мнѣ
было не до того и я сейчас-же забыл
о ней.

Четырнадцатаго мая, на разсвѣтѣ мы на-
чали входить в пролив. Около шести часов с
лѣваго борта на горизонтѣ показались два
крейсера и вскорѣ, в бинокль можно было
различить на их гафелях и мачтах японскія флаги.
Крейсера шли параллельным нам курсом, не сбли-
жаясь и не удаляясь. Один из наших кораблей
не выдержал соблазна и открыл по ним огонь.
Немедленно начал палить весь лѣвый борт
лѣвой колнны. Огонь был остановлен сигналом
адмирала: «не тратить снарядов зря».

Крейсера отошли, а мы начали перестраи-
ваться в боевой порядок. Вскорѣ, на правом
кранболѣ показались дымки непріятельской
эскадры.

Поход был закончен. Начался Цусимскій
бой,

Доктор? Что же сказать о нем. Он самоотверженно перевязывал раненых, пока неприятельскій снаряд не сразил и его. Послѣднія слова его были:

— Только не тараньте. Ради Бога не тараньте.

Борьба за флот

На малом Біоркском рейдѣ, против угольной пристани, ошвартовавшись попарно, стоит весь четвертый дивизион. Сегодня он закончил курс минных стрѣльб и на завтра готовится идти в Ревель на артиллерійскія. Поодаль, в сторонѣ от миноносцев, стоит «Водолей № 1».

Вечерѣет. В мѣстчкѣ уже загорѣлись огни. В послѣдних лучах заката, над лѣсом, отчетливо выдѣляется мѣстная кирка. По ту сторону пролива у пассажирской пристани стоит маленькій шхерный пароход. Сегодня он уходит в Петербург. Палуба и иллюминаторы его уже освѣщены и издали он кажется усѣянным массою играющих свѣтлячков.

В кают-кампаніи «Исполнительнаго» собрались офицеры с обоих миноносцев. Пьют нескончаемый чай, ведут лѣнливую бесѣду о предстоящем походѣ, а кто играет в трик трак. Вдруг, на верхней палубѣ раздался топот топчливых шагов сперва с кормы на нос, а затѣм обратно.

— Вахтенный! Доложи командиру-миноносец из шхер идет, — прозвучал голос сигнальщика.

Стали гадать-кто-бы это мог быть и лѣни-

вой толпой высыпали на верх. На фонѣ заката, на фарватерѣ от маяка «Нерва» отчетливо рисовался, шедшій большим ходом, миноносец. Так как он держал прямо на дивизион, определить его тип и имя было невозможно.

— Так что «Пограничник» — доложил сигнальщик.

— Почему ты думаешь?

— Вильнул он сейчас, вашскородь. Адмиральскій огонь видать было.

Дивизион ожил. Затопала масса ног и вскорѣ офицеры и команда стояли во фронтах. Уменьшив ход до малаго, «Пограничник», проходит под кормами дивизиона. Командующій морскими силами Балтійскаго моря адмирал фон Эссни в рупор здоровается с командами.

— Здравія желаем, вашство, -- несутся дружные отвѣты.

Остановившись невдалекѣ, «Пограничник» отдает якорь и с него, тот час-же, отваливает моторный катер с флаг-офицером.

Подойдя к «Исполнительному» флаг-офицер докладывает начальнику дивизиона, что адмирал приказал «Водолею» немедленно сняться с якоря, а дивизиону приготовиться к походу к одиннадцати часам. И что кромѣ того, адмирал приглашает к себѣ его, начальника дивизиона.

Капитан 2-го ранга Вейс, занимавшій эту

должность, сѣл на мотор, а корабли стали спѣшно готовиться... «Водолей» подтянул канат до панера, в кочегарках зашуровали и густые клубы черного дыма повалили из всѣх труб. К походу, собственно говоря, и так почти были готовы, т. к. только недавно стали на якоря и пары еще не успѣли сѣсть.

Вейс вернулся минут через десять и немедленно собрал у себя командиров.

— Адмирал намѣрен смотрѣть ночную залповую минную стрѣльбу, объявил он. — Как господа, мины у нас всѣ исправны?

— У меня всѣ... у меня всѣ... у меня всѣ... — доложили командиры.

— Ночь будет темная господа, — продолжал начальник дивизиона. — Атаковать будем без огней. Только по кормовому буруну и можно будет поддерживать разстояніе. Придется, чтобы не оторваться друг от друга, в самом тѣсном строю держаться. Полное вниманіе господа. «Водолей» сейчас выйдет за маяк Веркоматала и ляжет в зюйд-остовую четверть. В одиннадцать часов он повернет на обратный курс и потушит ходовые огни. Увидѣв огни дивизиона он пустит ракету и с этого момента можес мѣнять курс, но не болѣе чѣм на два румба вправо, или влѣво. Мы тушим огни по ракетѣ и начинаем атаку. Обнаружив нас снова «Водолей» открывает огонь. Особенно труд-

ная задача ложится на вас,—обращается он к начальнику 2-й группы капитану 2 ранга Витгефту:

— Вам будет очень трудно увидѣть мой сигнал «Рцы». Вѣдь все в дыму будет. Только помните, что «Рцы» сдѣланное с лѣваго крыла мостика и красным ратьером означает, что выходить вам надо влѣво, зеленым ратьером и с праваго крыла — выходить вправо.

— Это-то я твердо помню, — отвѣчает Витгефт, — а вот нельзя ли пораньше сдѣлать мнѣ этот сигнал? Вѣдь мнѣ-то придется выходить для атаки тогда, когда я еще ничего, кроме вашего дыма видѣть не буду. В слѣпую, так сказать.

— Ну, это вы от меня уж слишком многого требуете. Сам-то я, может быть, в послѣдній момент увижу «Водолея».

— Как-бы не сорваться тогда?

— Что вы! Что вы! Уж вы какнибудь. Постарайтесь голубчик!

Перед самым походом на «Исполнительный» прибыли два чина штаба, одним из которых был флагманскій минер капитан 2-го ранга Руднев.

— Адмиральскіе соглядатаи пріѣхали, — острили офицеры. Тут уж очков не вотрешь. Сам адмирал на «Водолеѣ», а на «Исполнительном» его лазутчики. В вилку взяли.

Ровно в одиннадцать, дивизион снялся с якорей и, обогнув плавучий маяк Веркоматала, лег на Зюйд - Ост. Ночь была исключительно темной.

— Ну, теперь не звать! Следите в оба. Как-бы ракету не пропустить, — произнес командир.

В этот момент тонкая огненно—красная полоска прорезала черное небо.

— Ну, Господи благослови, — промолвил начальник дивизиона. — Самый полный ход. Дайте ратьером по колонѣ «Буки». Огни потушить!

Миноносец, переходя на двадцать один узел, рванулся вперед. Давая световые сигналы, защелкали ратьеры и весь дивизион погрузился во тьму. Как бы растаял. Силуэт сосѣдняго корабля, кое как еще угадывался, но дальше ничего не было видно.

— Господа! Вы же все растерялись. Я никого, кроме «Крѣпкаго» не вижу, вбѣгая на мостик, волнуется флагманскій минер. — Не лучше-ли отложить атаку? Вѣдь скандал будет.

— Не беспокойтесь, у нас этого не бывает, — не отрываясь от ночного бинокля, спокойно возразил начальник дивизиона. — Все тут.

От большого хода поднялся сильный вѣтер. Из передней трубы дым заносит на мостик и мелкими несгорѣвшими угольками засыпает

глаза. Брызги невидимых волн безостановочно поливают мостик. В снастях воев вѣтер так, что приходится кричать. И ничего не видно. Ночь черна, как чернила. А увидѣть „Водолей“ надо. Необходимо. И как можно скорѣй. Вѣдь скорость сближенія — двадцать девять узлов и разстояніе до него будет покрыто в нѣсколько минут. А тут еще второй группѣ надо успѣть дать сигнал.

На мостикѣ волненіе. Кто в ночной, кто в дневной бинокль смотрит, а кто не довѣряя стеклам, расширив слезящіеся глаза, напряженно смотрит так. Без бинокля.

На крыльѣ мостика, перевѣсившись чуть ли не на половину через поручни, старательно всматривается вперед молодой сигнальщик Чирков. Архангельскій помор. Он обладает прекрасным зрѣніем. Не даром выбрал его флаг офицер из цѣлой массы остальных новобранцев. Старательный, толковый, с большими, ясными, как у младенца, голубыми глазами.

— Кажись «Водолей» — нерѣшительно говорит он флаг-офицеру.

— Гдѣ? гдѣ? — поворачиваются всѣ к нему.

— Слева по носу. Вон темное пятно.

— Ничего не вижу, — волнуется Вейс.

— Я, как будто бы, вижу, — говорит флаг-офицер.

— Да, гдѣ же? Гдѣ?

— Вон темное пятно. Это «Водолей» и очень близко.

— Если вы увѣрены, то давайте сигнал, но я ничего не вижу.

— Сигнальщики! Красным ратьером «Рцы».

Атака начата. Теперь уж ни отмѣнить, ни остановить ее нельзя. Жребій брошен. Нѣсколько секунд и вырвавшись из ночного мрака, слѣва показались силуэты миноносцев, пошедшей в обхват головы противника, второй группы.

— Водолей. Вижу! — кричит командир. — У аппаратов товсь.

Теперь уж всё видят, быстро проносящейся мимо, силуэт «Водолея».

— Аппараты пли.

Легкіе взрывы на секунду вырывают из тьмы, прислугу аппаратов и блеснув над патубой, двѣ стальные сигары с шипѣніем и воем падают в воду и тонут в темнотѣ. Водолей открывает огонь.

Первая группа вся разрядила свои аппараты. Уклоняясь от мин, «Водолей» круто повернул вправо. Теперь очередь за второй группой. Но успѣла ли она атаковать. Если да, то успѣх обезпечен.

Вдруг на «Водолеѣ» зажглись ходовые огни и грозный броненосец снова превратился в маленькій безобидный транспорт. Зажгли огни и миноносцы. Атака кончена. Море покрылось

мерцающими огоньками патронов фосфористаго кальція, которые всегда вставляются в мины при практических стрѣльбах. С застопоренными машинами, миноносцы ловят и поднимают, каждый свои мины. Из предохранительных клапанов с ревом вырывается излишій пра и глушит уши. Струйки сизаго дыма от кальція, отравляют воздух чесночным запахом.

— Показать число выпущенных мин, — замигала клотиковая лампочка на «Исполнительном».

Миноносцы, по очереди, отвѣчают. Выпущенными оказались всѣ мины. У начальника дивизиона отлегло от сердца. Значит и вторая группа атаковала. Как потом оказалось, хитрый Витгефт, рискуя потеряться, немного отстал от первой группы, но зато выиграл время для атаки.

Не подавая никаких сигналов, «Водолей» продолжал идти к якорному мѣсту. Вскорѣ, подняв мины, и миноносцы двинулись туда-же. Обгоняя «Водолей», они видѣли на кормовом срѣзѣ коренастую фигуру адмирала, но шли они с огнями, а потому строй был безукоризненным и опасаться было нечего.

Атака прошла блестяще. Адмиральскіе соглядатаи были в восторгѣ. По смятым зарядным отдѣленіям двух мин установили, что одна из них попала «Водолею» прямо в борт, а другая скользнула по кормѣ.

Послѣ постановки на якоря, командиры собрались на «Исполнительном» и, несмотря на поздній час, долго еще обсуждали детали атаки. Всѣ были радостно взволнованы и ждали только, что скажет сам адмирал. Но адмирал молчал. С «Пограничника», на который он пересѣл, не было ни одного сигнала.

* * *

Командир «Водолея», штабс-капитан по адмиралтейству Гасабов, был несказанно удивлен и встревожен, когда узнал, что на нем пойдет сам адмирал. Был это человек скромный, трудолюбивый и тихій. И доставалось же ему, обычно, работы. Его маленькое, всего в восемьсот тонн, судно было приспособлено для многих цѣлей. Он и воду давал, он посылался к судам, потерпѣвшим аварію, так как был снабжен мощными водоотливными помпами, он же буксировал щиты при артиллерійских стрѣльбах, он же изображал собою непріятельскій броненосец на минных стрѣльбах и на нем же зимой выходили в море мичмана, для практики в управленіи огнем. Для этого на нем установили четыре пятидесяти семи миллиметровыя пушки. «Водолей» не знал покоя ни днем, ни ночью, ни зимой, ни лѣтом. Когда он успѣвал ремонтироваться—это оставалось тайной командира.

Не ожидал Гасабов такой чести, а потому и волновался.

— Вы готовы к походу? — спросил адмирал, лишь только вступил на палубу.

— Так точно, ваше — ство. Канат подтянут до панера.

— Ну и отлично: Снимайтесь и идите к Веркоматала.

— Есть.

Адмирал спустился в кают-кампанію, скромно, но уютно отдѣланную заботами командира. Нигдѣ ни одной картины, ни одной гравюры сколько нибудь фривольнаго содержанія. А и не любил же адмирал таких картин.

— Гдѣ висит портрет Государя Императора, там не мѣсто для этой гадости, — говаривал он.

На кораблях это знали и, обычно, перед его посѣщеніями, всѣ предметы такого жанра, обязательно, убирались.

— Ну, а теперь идите-ка, батенька спать, — появляясь на мостикѣ, сказал адмирал. — Вѣдь, я знаю, что прошлой ночью вы не спали, днем не спали и этой ночью не спать. Идите-же.

— А как же вахта?

— На вахтѣ флаг-офицер постоит, а вы идите. Идите. Угостите меня чайком и ложитесь.

Вскорѣ, за, покрытым клеенкой, столом кают-кампаніи, адмирал, командовавшій всѣм

флотом и незначительный шатбс-капитан пили чай и мирно бесѣдовали.

Отправив командира спать, адмирал снова поднялся на мостик.

— Пусть хоть немного отдохнет. Замотался, бѣдняга, — мимоходом замѣтил он флаг-офицеру.

Все остальное время, до самой постановки на якорь с мостика он не спускался. Облокотясь на поручни, он молча вглядывался в темноту, ловя малѣйшее движеніе любимаго дивизиона. Своего волненія он ничѣм не выдавал, а причины для волненія были. Собственно говоря, эти маневры с ночью минной атакой он назначил, исключительно, для собственнаго успокоенія. Вѣдь, он так хорошо знал свои миноносцы. Знал, что командиры сдѣлают все, что только возможно и в успѣхѣ атаки был совершенно увѣрен. Но еще один, лишній раз, посмотрѣть на их лихую работу ему было необходимо. Необходимо, чтобы в ней почерпнуть новых сил для защиты любимаго флота.

На послѣзавтра назначено экстренное засѣданіе Адмиралтейств совѣта под предсѣдательством морского министра. На нем будут обвинять его, адмирала Эссена. Будут обвинять старики адмиралы в тѣх новшествах, которыя он, с неукротимой энергіей вводил в обученіе флота.

— Что это за ночныя групповыя минныя атаки? — возмущались старики из под адмиралтейскаго шпица. Ну мыслимо-ли при современных ходах, при неизвѣстных переменных курсах атаковать непріятеля в открытом морѣ? И не в одиночку, а в строю, да еще маневрируя при этом. Одно из двух. Или миноносцы будут разстрѣляны, или, нѣсколько из них, попадут под таран. А мины. Ну можно-ли выпускать мины на практических стрѣльбах в открытом морѣ? Развѣ их подберешь потом? Развѣ это мыслимо? А вѣдь каждая мина стоит четыре тысячи рублей. Бюджет морского министерства не выдержит таких расходов. Да и что это за новатор такой? В самом дѣлѣ. То ли дѣло раньше. К минѣ относились бережно. Для стрѣльбы ею выбирали укрытый рейд с глубиною не больше десяти сажень. Чтобы если мина утонет, водолаза за нею спустить было бы можно. Да и грунт — не ил, или камень, а чистый песочек должен быть. Вот как стрѣляли в наше время. Но даже и при таких условіях, иногда теряли мины и наносили ущерб казнѣ. А тут в открытом морѣ. Нѣтъ. Это ни в какія ворота не лѣзет.

Так разсуждали старые адмиралы, а в их руках сила. Запретят и прощай тогда цѣль всей жизни. Тогда уж не подготовить ему флота к предстоящей войнѣ. В отставку. Одно останется, — несутся горькія мысли в его го-

ловъ. — Привычным жестом теревит он свою бородку и слегка передергивает плечами.

— Вон. Вон, они, мои орлята, — завидѣл он в темнотѣ силуэты дивизиона. — Постарайтесь, голубчики, — мысленно обращается он к ним.— Поддержите своего адмирала.

Атака блестяща. Нахлынувшія было сомнѣнія разлетаются, как дым. Он снова спокоен и увѣрен в побѣдѣ.

Теперь можно и в койку.

На рейдѣ Біорке все погрузилось в сон.

Только вахтенные, да сигнальщики не смыкают глаз. Им нельзя.

Наступило утро. На этот раз всѣ поднялись особенно рано. Не спится командирам. Что-то скажет адмирал.

Без пяти восемь «Пограничник» поднял исполнительный флаг, что значит — подъем флага с церемоніей. Одновременно на нем вызвали «всѣх на верх с якоря сниматься.» Адмирал молчит. Но что-же случилось? Какая причина? Кажется, все сошло превосходно.

Вот на налубѣ появилась фигура адмирала. Взяв мегафон, он здоровается с командами. Вот подняли флаг и на «Пограничикѣ» заработал шпиль. Поднимает якорь. Шар на стоп. Вот он дал малый ход и ничего. Никакого сигнала. Всеобщее недоумѣніе. Вот средній ход и вдруг он весь расцвѣтился флагами.

— Какой сигнал? — кричит начальник дивизиона.

— Какой сигнал? — вторит ему командир.

Флаг-офицер, сломя голову несется на мостик к сигнальным книгам.

— Что-то не то. Что-то не то, — шепчет он на бѣгу. — Знаю, что Аз, Иже, Есть, — это адмирал изъясляет свое удовольствіе, а тут Аз, Иже, Земля. Такого не помню. Неужели неудовольствіе.

С трепетом листает непослушныя страницы и наконец находит:

«Четвертому дивизиону адмирал изъясляет свое особенное удовольствіе за отличную минную стрѣльбу».

Всеобщее ликованіе. Всѣ физиономіи расплываются в счастливыя улыбки. Начальник дивизиона жмет руки командиров, а тѣ своих офицеров.

Но на пограничникѣ новый сигнал.

«Адмирал изъясляет свое особое удовольствіе «Водолею № 1». Теперь сіяет и Гасабов. О такой чести он не помышлял.

Засѣданіе Адмиралтейств - совѣта носило очень бурный характер. В отвѣт на нападки, Эссен горячо защищал свое право обучать флот методами наиболѣе приближающимися к обстановкѣ военнаго времени. Но старики, вспоминая «доброе старое время», не сдавались, а тут в помощь им выступил еще и главный морской прокурор генерал Матвѣенко. Он и раньше

причинял Эссену не мало хлопот и неприятностей т. к. от него зависѣло возбужденіе судебных дѣл и преданіе суду каждаго командира, который, исполняя тактическіе и оперативные приказы Эссена, нарушит старыя допусимскія правила и законоположенія. Особенно это касалось стрѣльбы минами и плаванія по шхерам без лоцманов. Напрасно Эссен доказывал, что в случаѣ войны, лоцмана - финны могут забастовать и тогда флот окажется в безвыходном положеніи. Он будет лишен возможности использовать огромное преимущество, которое давали ему шхеры.

— Можем - ли мы допустить, — говорил адмирал, — чтобы в Финском заливѣ, у нас в тылу, у нас дома, так сказать, мы не могли бы ходить иначе, как слѣпцы с поводьями - иностранцами. Мы же всецѣло в их руках находимся. Нѣтъ, у себя дома только мы хозяева. Зависѣть от враждебных нам финнов, мы права не имѣем. Чтобы этого достигь мы, еще в мирное время, должны обучить личный состав плаванію по шхерам. Надо учиться и учить, а потому нельзя строго относиться к ученикам, если они сдѣлают ошибку. Нельзя предавать суду командиров, получивших аварію. Иначе учиться не будут.

Неизвѣстно чѣм бы закончилось это заступаніе, если бы морской министр адмирал Григорович не рѣшил бы на практикѣ испытать

методы Эссена. Он приказал устроить большія маневры флота, а для наблюденія за ними, назначил комиссію из трех старых боевых адмиралов, входивших в состав Адмиралтейств-совѣта. Избранными оказались адмиралы: Зацаренный, Реценштейн и Щенснович, которым, кстати сказать, всѣм вмѣстѣ было около двухсот лѣтъ.

Вернувшись в Ревель, Эссен собрал там весь флот. В согласіи с комиссіей адмиралов, был разработан план маневров. Изображать непріятельскій флот были назначены крейсер «Рюрик» и линейные корабли «Андрей Первозванный», «Павел Первый», «Цесаревич» и «Слава». Этот отряд должен был появиться вечером у входа в Финскій залив и, пользуясь ночной темнотой, постараться незамѣтно проникнуть внутрь залива и на разсвѣтѣ появиться между Ревелем и Крондштатом. Защищать залив должны были пятьдесят два миноносца первой и второй минных дивизій. Их задачей было найти непріятеля и атаковать его, не пропустив далѣе мередиана Нарген-Боркалауд. По предложенію комиссіи, чтобы не осложнять маневров, производить атаку с выпуском мин должен был только один дивизион, а остальные только обозначать момент миннаго выстрѣла - сиреной. Почетная и отвѣтственная задача атаковать с выпуском мин, пала на четвертый дивизион, для чего исходной точкой маневров для него,

была назначена сѣверная оконечность острова Нарген.

Надулись, как индюки, и за важничали командиры и офицеры. Вот видите. Из всего флота, только им поручил адмирал главную защиту своей чести. Это им, предстоит доказать, что в своем спорѣ с адмиралтейств-совѣтом прав адмирал.

— Смотрите, вон лейб-гвардіи-четвертый дивизион идет, — встрѣчая кого-либо из них на берегу, говорили офицеры с других миноносцев.

Но вот, наступила роковая ночь. Мертвый штиль. Луна на ущербѣ, но небо затянуто пеленой облаков. Тихая пасмурная ночь нашей сѣверной ранней осени. Всѣ насторожились и ждут.

Вот на судах забѣгали телеграфисты. Радио! — «Морским силам Балтійскаго флота. В восемь часов вечера непріятельскій флот прошел мередиан Дагерорта курсом около оста и вошел в залив. Скорость хода опредѣлить не удалось. Непріятель скрылся в темнотѣ».

Заработали циркуля и параллельныя линейки, отсчитывая по картам возможные курсы и мѣста непріятели. Пойдет-ли он южнѣе, или сѣвернѣе острова Нарген и каким ходом? Вот два главных вопроса. Самое выгодное было-бы встрѣтить его у маяка Оденсхольм. Здѣсь мень-

ше мелей и подводных камней, а кромѣ того точнѣе опредѣлится курс. Обѣ дивизіи снялись с якорей и легли на вост. Что касается четвертаго дивизіона, то он дѣйствовал отдѣльно и вполнѣ самостоятельно. Снявшись с якорей он двинулся навстрѣчу непріятеля. Ночь темная, хоть глаз выколи. На мостикѣ «Исполнительнаго» царит напряженное молчаніе. Не до разговоров. Честь дивизіона на карту поставлена.

— Ну, Чирков, не подгадь, — шепчет флаг-офицер.

— Постараюсь, вашскородь, — отвѣчает тот, не оборачиваясь.

— Кабы знать его скорость, — бормочет начальник дивизіона. — Если десять узлов, то мы еще имѣем время, а если четырнадцать, то вот-вот встрѣтятся должны.

— Что-то вижу, — сдавленным голосом говорит Чирков.

— Гдѣ? Гдѣ? Что видишь?

— Как будто дымы по носу открылись.

В самом дѣлѣ, по курсу зачернѣло какое-то пятно.

— А, вѣдь, и вправду дым.

— Может быть купец.

— Купец с огнями бы шел.

— Вашскородь, так тут нѣсколько столбов дыма. Не иначе как эскадра.

— Куда же она идет? К югу или к сѣверу? Смотрите, господа. Пора рѣшать. Ждать не-

когда, — взволнованным голосом произнес начальник дивизиона.

— Вѣтерок с юга. Дым на сѣвер относить должно, а здѣсь он на юг распространяется. Значит к югу идут, — скороговоркой заговорил командир.

— К югу. Конечно к югу, — поддержал его флаг-офицер.

— Помните, господа, если ошибемся, поправить ошибку уже не сможем. Слишком мала разница в наших ходах. Они идут, минимум, четырнадцать, а мы семнадцать. А дадим больше, так из труб пламя нас выдаст. Факела.

— К югу. К югу. Сомнѣній нѣтъ.

— Но, коли так, ложитесь на зюд-ост.

Повернули. Но, о ужас. Вмѣсто того, чтобы стать рельефнѣе, дымы стали таять и скрываться.

— Что такое? Ничего не понимаю, — произнес начальник дивизиона.

— Ошиблись мы. К сѣверу идет, — с отчаяніем выкрикнул флаг-офицер.

— Право на борт! Самый полный ход!

— Но факела? Пламя из труб?

— Чорт с ним. Поздно разсуждать.

Рванувшись с мѣста, миноносцы понеслись на дымы.

— Вижу силуэты, — прокричал командир. — Два справа и три слѣва.

Будем атаковать концевые.

— А как же вторая группа?

— Сумѣет проскочить в интервал между кораблями-слава Богу. Нѣтъ, так и без нея обойдемся. Поздно.

Вдруг из труб миноносцев вырвались столбы пламени и в ту же минуту линейные корабли опоясались вспышками выстрѣлов.

— Лѣво руля. «Рцы» зеленым ратьером!

Хоть и под огнем противника, все-же пошли в атаку. Еще минута и первая группа разрядила свои аппараты. Второй атаковать не пришлось, так как проскочить в интервал между идущими броненосцами было слишком рискованно.

Атака не удалась, хотя все-же, одна из мин попала таки в борт «Цесаревича».

Миноносцы приступили к вылавливанію мин и в тот-же момент раздалась новая кононада. Это атаковали остальные миноносцы.

Завыли сирены.

На мостикѣ «Рюрика» видѣли неудачу четвертаго дивизиона и, как водится на больших кораблях, сила которых-артиллерія, — обрадовались, злорадствуя, что пушка побѣди-

ла мину. Но радость была кратковременной. Вдруг, под самым бортом завывла сирена. Не успѣли опомниться от первой, как взвизгнула вторая, третья, без числа. Из темноты ночи, словно сѣрые черти появлялись силуэты миноносцев, взвизгивали сиреной и исчезали, чтобы дать мѣсто слѣдующим. Если бы артиллеристы не так увлеклись бы отраженіем атаки четвертаго дивизіона, то первые миноносцы, может быть еще и можно бы-было замѣтить, но слѣдующіе, совершенно скрывались в ночной темнотѣ и в клубах дыма передних. Лишь на секунду они появлялись у самага борта и исчезали без слѣда.

Злорадство смѣнилось восхищеніем. Успѣх полный. Комиссія была потрясена. Оставалось еще выяснить в какой срок подобраны мины четвертаго дивизіона и всѣ-ли онѣ цѣлы. Но не прошло и двадцати минут, как начальник дивизіона донес, что всѣ мины подобраны и что он возвращается в Ревель.

Маневры окончились. Замигала клотиковая лампочка «Рюрика», давая отбой. Как по мановенію волшебной палочки, черное, как чернило, море засвѣтилось множеством огней. Замигали ратьеры, клотиковыя лампочки, зажглись ходовые огни, а начальники дивизій зажгли еще и прожектора, собирая свои миноносцы. Вскорѣ стройныя колонны обѣих дивизій обогнали эскадру, направляясь по своим портам.

— Поздравляем. От души вас поздравляем, — пожимали руку Эссена старые адмиралы. — Ничего подобнаго мы не ожидали. Это выше похвалы. Ну, что-же. Отжили мы. Устарѣли. Все по новому пошло. Дай же Боже вам сил продолжать столь блестяще начатое вами дѣло. А мы доложим и Адмиралтейств-совѣту и самому Государю Императору, что флот находится в достойных и вѣрных руках.

Как побитыя собаки возвращались в Ревель миноносцы четвертаго дивизиона. Куда вся амбиція дѣвалась. Особенно плохо себя чувствовал мостик «Исполнительнаго», т. е. начальника дивизиона, командир и флаг-офицер. Не справились с задачей. Смяли атаку. Не оправдали довѣрія.

Уже в гавани, перед подъемом флага, когда всѣ высыпали на стѣнку, много горьких слов пришлось выслушать двум послѣдним. Задумчивыми всѣ ходили и особенно начальник дивизиона. Заложив руки за спину, он мрачно шагал взад и вперед, ни с кѣм не разговаривая. Но уж очень строго они себя судили. Вся-то, их ошибка заключалась в том, что не учли они, что в такую штилевую погоду, на сѣверном и южном берегах залива дуют бризы и конечно, в разные стороны. Эскадра шла ближе к сѣверному берегу и дым ея сносился к югу, тогда как дивизион держался ближе к южному и находился в сферѣ южнаго бриза.

Впрочем, совсѣм не так судил сам адмирал. Во первых, собравшемуся в Ревелѣ флоту, он объявил сигналом свою благодарность за прекрасные маневры, а затѣм, на собраніи флагманов и капитанов, разбирая маневры, он с особой лаской и теплотой отозвался о дивизионѣ. Ему не важна была частичная ошибка в опредѣленіи курса противника. Он судил весь комплекс дѣйствій всего флота. А дѣйствія эти были превосходными. Он сіял как именинник. Еще бы. Рѣшительная побѣда. Теперь уж старики из под шпика не будут стараться связать его руки. Теперь уж никто не будет ему мѣшать обучать и подготавливать любимый флот к предстоящим испытаніям войны.

—————:0:—————

**Через все
Балтійское море**

Первое плаваніе, послѣ производства в гардемарины. Наконец-то мы попали на настоящій боевой корабль. Все парусники да парусники. Даже надоѣло. Изволь-ка изучать всѣ эти брамсели и бомбрамсели, когда они уже давно отжили свой вѣкъ. А тут, правда не послѣднее слово судостроенія, но все - же современный, принимавшій участіе в послѣдней войнѣ, корабль. Теперь уж скоро станем мы настоящими моряками и на плечах наших заблестят золотые, украшенные двумя звѣздочками, погоны. Да. Назначеніе нас, для лѣтняго плаванія, на крейсер «АВРОРА», большим было счастьем. Мы ликовали. И плаваніе то предстояло интересное. Все по заграничным портам.

Выпуск мой был не велик. Всего сто человѣкъ. Да и то, только половина его попала на Аврору, так что размѣстились мы, в гардемаринском помѣщеніи, довольно сносно. Было не очень тѣсно.

Попав на корабль, мы со рвеніем принялись за его изученіе и за, назначенную нам, службу. Нас разбили на смѣны и поручили унтер-офицерскія обязанности.

Лѣто уже перевалило за половину, когда послѣ минных и артиллерійских стрѣльб и визитов в Германію, Данію и Норвегію, крейсер наш направился в Стокгольм. Подход к Шведской столицѣ исключительно живописен. Фарватер извивается между тысячами скалистых покрытых хвойным лѣсом, островков. Чѣм ближе к городу, тѣм больше затѣйливых домиков, и стильных вилл с пристанями и яхточками выглядывают из зеленых лѣсов. По безчисленным проливам снуют моторныя шлюпки и граціозныя яхты с бѣлоснѣжными парусами.

Но вот и красавец Стокгольм.

Отсалютовали націи, стали на якорь и спустили на воду шлюпки.

В этот день я был назначен старшиной парового катера, а потому, готовый, по первой дудкѣ бѣжать на свою шлюпку, вниз не спускался. Ждали посланника и катер держался наготовѣ.

— На паровой катер, — залилась трелью унтер-офицерская дудка моего товарища, исполнявшаго роль вахтеннаго унтер-офицера. — Катер к правому трапу.

Бросив недокуренную папиросу, я перелѣз через фальш-борт и танцующей рысцой побѣжал по выстрѣлу, на шкентелях котораго покачивались большой желѣзный баркас и мой катер. Был я довольно ловким юношей и по вы-

стрѣлу бѣгал не держась за леер. До середины выстрѣла я уже добѣжал, как вдруг чувствую, что теряю равновѣсіе. Поскользнулся. Как потом оказалось, предательская кнопка, впившись в подошву, подвела. Забалансировал на мѣстѣ, но все-же не удержался и стремглав полетѣл вниз.

В тѣ нѣсколько секунд, что я латѣл, масса мыслей пронеслась в головѣ. С ужасом я видѣл, что не миновать мнѣ баркаса или катера. Обязательно головой, либо о тот, либо о другой хвачусь. А высота не малая. Сажени двѣ, я думаю, было.

— Ну, сейчас конец,—промелькнула мысль.

Но на мое счастье, прошедшій около крейсера пароходик, развел волну, закачавшись на которой, паровой катер и баркас немножко раздвинулись и я, головой вниз, пролетѣл как раз между ними. Впрочем не совсем так. Падая я взмахнул руками и кистью лѣвой с силой ударился о борт парового катера.

Очутившись под водой я начал было, привычным движеніям разводит руками, чтобы всплыть, но вдруг ощутил нестерпимую рѣжущую бол в пальцах ушибленной руки. Прижав ее к груди, стал работать одной правой. Так-как погрузился я довольно-таки глубоко, а всплывал медленно, то почти задохнулся, когда, все-же выплыл на поверхность. Первое, что я увидѣл, это перепуганныя

лица, перегнувшихся через борт катера, кочегара и машиниста.

— Лови его! Хватай ребята!—кричал кто-то с крейсера.

Не успѣл я и двух раз вздохнуть, как голова моя снова погрузилась в воду, так-как старательные матросы схватили меня за ту часть тѣла, которая была к ним ближе всего. За ноги. Пыхтя и отдуваясь они тащили мои ноги, ни мало не заботясь об, ушедшей под воду, головѣ. Пока они меня вытащили, я почти захлебнулся, наглотавшись соленой воды. Катер сдали к трапу и под руки вытащили меня на крейсер.

Осмотрѣвшій мою руку судовой врач нашел перелом костей двух пальцев. Руку положили в лубки, а меня освободили от всякой службы.

Случай этот был записан в вахтенный журнал, а мнѣ командир выдал выписку из него, с казенной печатью и за своею подписью. Датирована она была восемнадцатым іюлем 1907 года.

Прошло около двух недѣль. Рука моя, постепенно заживала. Мы уже успѣли вернуться в Россію, когда я получил, однажды, письмо от отца, жившаго в Либавѣ. Письмо было самое обычное. Отец спрашивал о моих успѣхах, сообщал маленькія домашнія новости и только в концѣ приписал слѣдующее: «Сегодня опять мама нездорова. Обычная

мигрень. Только, повидимому, особенно сильная, на этот раз. Даже бредила. Представь себя. Вдруг вскочила с кровати и с воплями кого-то умоляла—«Спасите Борю! Боря тонет!»

Письмо было датировано так - же восемнадцатым июлем.

